

ОТДАННАЯ
ДРАКОНУ-
ИЗМЕННИКУ

Александр Витальев

Александр Витальев

Отданная дракону-изменнику

«Автор»

2026

Витальев А.

Отданная дракону-изменнику / А. Витальев — «Автор», 2026

Меня отдали дракону, которого называют изменником. Род решил, что только брак с опальным лордом-драконом спасет наши земли. Я согласилась — но вижу, что версия о его измене слишком выгодна тем, кто стоит за его спиной. Теперь я живу в его доме, веду его хозяйство и должна понять, что он скрывает, прежде чем он сам разрушит меня вместе со своей тайной.

© Витальев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Печать на ладони	5
Глава 2. Ключ от кухни	14
Глава 3. Чужие духи	21
Глава 4. Печать на ладони	28
Глава 5. Сломанная дверь	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Витальев

Отданная дракону-изменнику

Глава 1. Печать на ладони

Письмо лежало на столе как брошенное: сургуч сломан не по шву, бумага замята у сгиба, край листа зацепил чернильницу, и чернила расплылись мелкой синей кляксой. Я прижала лист ладонью, чтобы не сполз, и почувствовала, как под кожей холодеет браслет. Не металл, а то, что под ним.

Я стояла в малой приемной родительского дома. Камин догорал с жадностью вещей, за которыми больше никто не следит. Мать сидела в кресле напротив, прямая, как ее вышивка на скатерти. Она не плакала. Она ждала, когда я замечу письмо сама, чтобы не говорить первой.

— Кто принес? — спросила я.

— Королевский советник, — ответил отец, не оборачиваясь от окна. — С нарочным.

Дядя Ронн переступил с ноги на ногу у двери и кашлянул. Он уже подписал что-то на конторке. Перо лежало рядом, мокрое, чернила стекали на скатерть. Я узнала этот жест: так капает печать, когда бумагу не успевают просушить.

Я подняла письмо и прочла. Советник из столицы уведомлял род Ронн, что глава дома Аштов, Дарвен Ашт, обвинен в измене кроне через братьев по печати, что род лишен права голоса в совете провинции, земли на время расследования уходят под опеку короны, и что для уменьшения долга рода и возвращения расположения короны Ронны обязаны отдать младшую дочь в законный брак тому самому Дарвену. Не как награду. Как цену за его вину.

Я перечитала дважды. На третьем разе заметила: в нижнем левом углу, где всегда стоит подпись казначей палаты, печать стояла, а подписи не было. Только оттиск. Только круг. Рядом — мелкая приписка: «свидетели: Тивер Ашт, дядя и опекун рода, и иные по списку». Иных в списке не было.

— Где казначей? — спросила я.

— В отъезде, — ответил отец. — Это не важно.

Это было важно. Казначей всегда ставит подпись сам, даже в отъезде шлет запечатанный лист с доверенностью. Пустая печать без руки — это или спешка, или решение, которое кто-то не хочет подписывать именем. Советник мог ждать. Советник не стал.

Я положила письмо и посмотрела на мать. Ее руки лежали на коленях, пальцы сцеплены так, что костяшки побелели. Она ждала, что я заговорю первой.

— Это продажа, — сказала я.

Мать дрогнула. Не лицом — плечами, как будто под платьем у нее что-то сломалось.

— Ливея, — начала она.

— Это продажа. Меня отдадут за чужую вину. Без моей руки на договоре.

Отец обернулся. У него было лицо человека, который долго нес тяжелое и разучился опускать.

— Ты поставишь подпись завтра, когда прочтешь брачный контракт. Утром. С матерью и священником.

— Я не подпишу.

— Ты подпишешь, — сказал дядя у двери. — Иначе совет Роннов платит штраф в казну за отказ от королевского поручения. У нас нет земли, которую можно продать быстро. Ты подпишешь, потому что это решено.

Я посмотрела на него. Он смотрел на меня с той усталой честностью, с которой мужчины нашего рода признают, что женщин продают не потому, что не любят, а потому, что дешевле.

Мать всхлипнула. Тихо, в кулак, но при дяде, при мне, при слуге, который замер у порога с подносом. Впервые она плакала при людях. Не пряча лица в платок.

— Я знала, — сказала она, — что тебя продадут. С лета. Я не сказала, потому что думала: к зиме найду другой выход. Не нашла.

Я села. Ноги перестали держать. Под подошвой хрустнул кусок сургуча. Я подобрала его и сжала в кулаке. На ладони остался оттиск малой печати палаты, круглый и пустой.

— Договор, — сказала я. — Мне нужен договор. Не это письмо.

Отец открыл ящик конторки и вынул лист, уже сложенный вчетверо. Я развернула. Отец. Дядя. Печать рода. Моего имени не было, но стояла строка: «невеста принимает условия при входе в дом жениха». Меня не спрашивали. Меня должны были спросить там, когда дверь закроется.

— Я не подпишу сегодня, — сказала я.

— Не должна, — ответил отец. — Условие вступает в силу, когда ты войдешь в замок Ашт. До этого ты под защитой рода.

Мать всхлипнула снова, и на этот раз слеза упала на ее руку. Я впервые видела, как она плачет не ради мужа, не ради дома, а ради меня. Это стоило дороже, чем все земли, которыми меня собирались оплатить.

Я встала, подошла к ней и положила ладонь с оттиском печати ей на плечо. Не утешая. Считая, кому в этом доме я еще должна верить.

— Я поеду. Но я буду считать.

Она вытерла слезу тыльной стороной ладони. На коже остался мокрый след, который в каминном свете казался медным. Она посмотрела на меня так, будто впервые за эту зиму видела меня целиком.

— Сядь, — сказала она. — Я покажу тебе, что у меня осталось.

Я не села. Прошла за ней в ее половину, где пахло лавандой, сырой шерстью и сладковатым жиром, которым натирают петли, чтобы не скрипели. Мать чинила дом руками, пока отец и дядя подписывали бумаги.

Она открыла сундук у окна и вынула из-под трех стопок льна кованный ларец. Ключ она носила на поясе, на шнурке под юбкой.

— Для тебя. Я копила с лета. Не деньги. Деньги забрал бы отец. Вещи.

В ларце лежали: тонкое серебряное кольцо с родовой розой Роннов без камня, кошелек с мелким серебром, зашитый в пояс, связка ключей — от лавки на торгу, от кладовой при храме и медный без бирки — и письмо. Запечатанное. С моим именем. Почерк отца.

— Прочтешь в дороге, — сказала мать. — Когда переедешь границу наших земель. Не раньше.

Я взяла письмо, но вскрывать не стала. Положила обратно. Если в нем признание, оно обожжет, когда я буду одна. Если приказ, тем более.

— Ключ от лавки, — сказала я. — Зачем мне лавка?

— Лавка твоей бабки по матери. Отец думал, что я забыла. Я не забыла. Лавка переписана на твое имя с осени, через подставного человека, чтобы дядя не забрал. Там держат крупу и свечи. Если что, у тебя есть крыша и товар, чтобы кормиться.

Я впервые за день почувствовала, что у меня есть что-то, что не принадлежит ни роду, ни мужу, ни совету. Горло перехватило, и я сглотнула.

— А медный?

Мать помолчала, накрыла ларец моей ладонью. Ее рука была сухой и горячей. Я впервые заметила, как она исхудала за эту осень.

— Этот ключ я нашла в вещах твоего деда. Подходит к одному из замков в замке Ашт. Дед дружил со старым лордом Ашт. Я не знаю к какому замку. Не знаю, заперто ли там добро

или беда. Но если в чужом доме понадобится дверь, которая открывается только изнутри, вспомни про деда.

Я сжала ключ в кулаке. Холодный. Не новый. С царапиной на бородке.

— Мама. Зачем ты мне это даешь, если меня все равно везут туда?

— Потому что я тебя продаю. И я хочу, чтобы у проданной дочери был свой ключ.

Она стояла передо мной как женщина, которая сделала выбор и не просит прощения.

— Спасибо, — сказала я.

Она кивнула. Я повернулась к двери.

— Ливея. Когда войдешь в дом Ашт, посмотри на камин в большой зале. Там, где раньше висел портрет старого лорда. Если портрет снят, значит, дом готовили к чужой свадьбе. Если на месте, значит, тебя ждали не как невесту, а как цену. Запомни.

Я вышла. В коридоре было холоднее. Под подошвами хрустел сургуч. У двери стоял мой саквояж, собранный не мной. Я узнала ленту на ручке — не нашу. Слуга, приставленный отцом, держал поводья. За воротами ждала крытая повозка без герба, без цветов, без лент. Черная, как катафалк.

Я села. Мать не вышла проводить. Она осталась в своей половине: если выйдет, либо пойдет за мной, либо упадет у крыльца, и отец объявит, что она больна, и запрет ее на седмицу.

Повозка тронулась. Я держала в одной руке кошелек с серебром, в другой — медный ключ. Впереди лежала дорога к человеку, которого весь двор считал предателем.

Когда мы переехали мост через речку Нотт, границу наших земель, я развернула письмо отца. Короткое. Одно предложение: «Не верь никому, кроме ключа и своих глаз».

Я сложила письмо и спрятала под подол. Ладонь с оттиском пустой печати прижала к колену. Браслет под рукавом холодил так, будто уже ждал чужой лжи.

Дорога от моста до перевала заняла почти два дня. Я считала повороты, верстовые столбы, птиц на проводах, чтобы не считать свои мысли. Возница молчал, и я была благодарна: если бы он спросил, почему невесту везут как покойницу, я бы не нашлась с ответом. Под задком повозки гулко перекачивалась бочка с дешевым элем, пахла дегтем и чужими духами. Дядя продал обратный путь кому-то из купцов. Меня довезут до ворот, а там я уже буду стоять за чужой счет.

К вечеру первого дня мы остановились на постоялом дворе у Святого Хребта, где от дождя пахло мокрой псиной и подгоревшей кашей. Я сняла комнату на втором этаже с окнами на конюшню: с этой стороны не подойдешь незамеченным. Замок двери был простой, но щеколда тяжелая, медная. Я подперла дверь сундучком и легла, не раздеваясь. Браслет под рукавом впервые за день согрелся, и я долго не могла понять: от моего тепла или от чужого дыхания в стене.

Утром возница принес хлеб и молоко. Под полый его кафтана мелькнул край серой бумаги с печатью палаты. Донесение. Меня считали по дороге как чужой груз. Я допила молоко, вытерла губы тыльной стороной ладони, на которой розовела вмятина от оттиска, и вышла во двор.

До замка Ашт оставалось полдня пути. Лес кончился, пошли голые поля, засеянные овсом и жгучей травой, от которой першило в горле. Воздух стал суше, тоньше. Земля здесь чужая. На горизонте поднималась серая громада замка. Я искала глазами дым, движение. Замок молчал.

У первых ворот меня не встретил никто. У вторых стояли двое стражников в плащах цвета пепла. Один, седой, с выжженной бровью, смотрел на меня так, будто считал по головам. Возница передал ему свернутую бумагу, ударил по лошади и уехал, не оглядываясь.

Седой сделал шаг ко мне.

— Ливея Ронн?

Я кивнула.

— Муж ждет в кабинете. Браслет не снимать.

Я не успела спросить почему. Он развернулся к замку, и я пошла за ним по двору, выложенному серым камнем. Под каблуками хрустела соль. На галерее второго этажа стояла женщина в черном платье и смотрела на меня сверху. Не Ирса Ланн. Полнее, мягче, с родинкой у виска. Сестра. Младшая сестра мужа.

Я остановилась у подножия лестницы. Она спускалась медленно, держась за перила, и на каждой ступеньке сережки тихо звякали. Подойдя, остановилась в шаге и посмотрела на меня так, будто я была мебелью, привезенной не в ту комнату.

— Временная гостья, — сказала она. — До решения совета.

Стражники за моей спиной молчали. Двое слуг у дверей молчали. Кухарка выглянула из боковой двери с половником.

— Я невеста лорда Ашт, — сказала я. — Брачный договор подписан палатой.

Она склонила голову.

— Договор подписан. Но брак не заключен. Пока вы в доме, вы гостья. Совет решит, к какой комнате вас приписать. Муж примет вас в кабинете через час. Сейчас я провожу вас в вашу комнату. На вашем этаже нет ключей.

Она сказала это вслух, при стражниках, при слугах, при кухарке. Я посмотрела на стражника с выжженной бровью. Он отвел глаза.

— Ключ от хозяйственного крыла, — сказала я. — По договору.

Сестра чуть улыбнулась. Улыбка была мягкая, материнская, и от нее стало холоднее, чем от ветра.

— Крыло закрыто. Муж распорядился. Ключ у управляющего, а управляющий сейчас в кабинете у лорда. Когда лорд примет вас, он решит, какой ключ вам дать. Может быть, ни ключа, ни крыла. Может быть, гостевая на верхнем этаже с видом на собор. Свежее белье.

Я молча перехватила саквояж. У нее на пальце блеснуло кольцо с гербом Ашт: серебряный дракон, свернутый вокруг собственного хвоста. Она заметила мой взгляд и спрятала руку в складках платья.

— Пойдемте. Вам нужно умыться с дороги.

Я пошла за ней. Лестница скрипела под моими каблуками. Я считала ступеньки. Двадцать две. На площадке пахло лавандой и чем-то кислым, лекарственным. Сестра открыла дверь в конце коридора, и я увидела комнату: узкая кровать под серым пологом, маленькое окно с видом на двор и пустую виселицу для флагов. На столе кувшин с водой, рядом тарелка с тремя сушеными сливами. На тарелке — записка детской рукой: «Гостье от кухарки».

Я вошла. Сестра осталась в дверях.

— Через час муж будет ждать вас в кабинете. Если опоздаете, договор не спасет.

Я поставила саквояж, выпрямилась и посмотрела ей в глаза. Она была выше меня на полголовы. От нее пахло чужими духами. Я запомнила этот запах.

— Комната хорошая, — сказала я. — Белье свежее. Сливы тоже свежие. Спасибо.

Она дрогнула лицом, тут же надела обратно улыбку, кивнула и ушла. Шаги стихли за углом.

Я закрыла дверь. Замка не было. Только щеколда, и та ходила туго. Я подперла дверь сундуком, вымыла лицо водой из кувшина. На щеке остался привкус железа. Перечитала письмо отца, сложила, спрятала под подол. Открыла саквояж. На дне под чужими лентами лежали кошелек с серебром и три ключа: от лавки, от кладовой при храме и медный, дедов.

Я повертела медный в пальцах. Холодный. Не новый. С царапиной на бородке. Мать сказала: «Если понадобится дверь, которая открывается только изнутри». Я убрала ключи под платье, к телу, и пошла к двери. Мне нужен был час. Мне нужно было найти кабинет мужа раньше, чем он меня туда позовет.

Я вышла в коридор. Где-то внизу, в хозяйственном крыле, кто-то негромко хлопнул дверью. Браслет под рукавом дрогнул, будто ему передали чужой пульс. Я прислушалась, запомнила направление звука и пошла вниз.

Лестница была другой, не парадной. Камень сырой, ступени низкие, перила обтерты ладонями до блеска. В конце коридора, у высокой двустворчатой двери, стоял мальчик лет двенадцати. Тощий, в серой рубашке навыпуск, с волосами, прилипшими ко лбу. В руках плетеная корзина, из которой торчали бинты.

— Ты гостя, — сказал он не то вопрос, не то утверждение.

— Я Ливея. Мне нужен управляющий. Бранн.

Он сглотнул, посмотрел на мои руки, на браслет, снова на лицо.

— Управляющий у лорда. В кабинете. Тебя туда не пустят.

— А ты кто?

— Эль. Я в лечебницу нес.

Я посмотрела на корзину. Бинты чистые, но под ними край чего-то рыжего. Засохшая кровь. И запах тот самый, кислый, лекарственный.

— Что у тебя болит? — спросила я.

Он отступил на шаг.

— Не у меня. У одного человека. В восточном крыле. Тебя туда тоже не пустят.

Восточное крыло. Я запомнила.

Я опустила на корточки, чтобы мои глаза оказались на уровне его подбородка.

— Эль. Я не из совета. Я из Роннов. Меня привезли сюда ночью, посадили в комнату без замка и велели ждать, пока муж меня примет. Мне не нужно твое восточное крыло. Мне нужна кухня и кладовая, чтобы накормить этот дом. Я умею считать муку и уголь. Если покажешь, где что лежит, я не пойду к лорду жаловаться. Я пойду к нему с работой.

Он смотрел долго, не моргая. У него были серые глаза, и в них мелькнуло что-то взрослое.

— Кухня направо. Кладовая за ней. Ключ у кухарки. Управляющий запирает на ночь. Утром открывают на рассвете, варят кашу. Угля не хватает. Уже две седмицы не хватает. Я считал.

Он сказал и сам испугался.

— Я никому не скажу, что ты считал. А ты никому не скажешь, что я приходила вниз до встречи с мужем.

Он кивнул, развернулся и пошел по коридору, прижимая корзину к груди.

— Кухарку зовут Ронна, — сказал он на ходу. — Она добрая. Только боится.

И ушел. Я слышала, как его босые пятки прошлепали по камню.

Я выпрямилась и посмотрела на дверь в восточное крыло. Тяжелая, дубовая, с медной пластиной, на которой выбит не дракон, а маленький цветок. Заперто. Мне нужен был муж, и нужен был он до того, как он меня позовет.

Я пошла направо, к кухне. Из-за двери пахло капустой и дымом, слышался стук ножа и женский голос, отчитывавший кого-то за подгоревшую кашу. Я постучала костяшками.

Дверь открыла полная женщина с красными от жара руками и мукой на щеке. Она посмотрела на меня, на браслет, на саквояж.

— Я Ливея Ронн. Мне нужна минута и кружка воды.

Она посторонилась, не сказав ни слова. Я вошла, поставила саквояж у порога. Кухня обдала меня теплом. Здесь пахло хлебом, который только сели в печь, и сырыми дровами. На столе лежала развернутая книга прихода, чернила в ней расплылись от пара. Я успела прочесть первую строку: «уголь — четыре меры в седмицу», и рядом, другой рукой, «уголь — три меры, по указу».

Две книги. Рядом. Одна над другой.

Я допила воду, поставила кружку.

— Ронна. Спасибо за сливы. Кстати в дороге.

Она моргнула, и я увидела, как у нее дрогнули губы.

— Идите, — сказала она тихо. — Лорд ждать не любит.

Я взяла саквояж.

— Ключ от кладовой. Утром я приду за ним сама.

Она ничего не ответила. Но и не сказала, что ключа нет.

Я остановилась на площадке второго этажа и переложила саквояж в другую руку. Пальцы затекли. Браслет под рукавом отдавал ровным, спокойным теплом, каким греет печка, когда за ней следят. Я впервые за утро не захотела его снять.

В боковом коридоре, у двери в дедову половину, стоял саквояж, который я не видела с утра. Тот самый, с чужими лентами. Я замерла, потом подошла ближе. Ленты были сорваны и заткнуты за ремень перевязи у слуги, который стоял тут же, будто караулил.

— Это чье? — спросила я.

Слуга поклонился коротко, по-солдатски.

— Госпожи Ланн, госпожа. Велено отнести в западное крыло.

— Кто велел?

Он не ответил, но и не соврал. Глаза отвел вправо, к окну, где стоял второй слуга с моим собственным узлом. Я поняла: Ирса Ланн перехватила мой саквояж у двери и велела отнести к себе. Проверить, не спрятала ли я там второе письмо палаты. Или просто потрогать руками вещь, которую привезли в чужой дом не для нее.

Я забрала свой узел. Под ребрами у слуги дрогнуло что-то медное — на поясе, под ремнем, висела монета с половиной печати Ашт. Та самая, чужая, которую мне подсунули ночью в постель. Я не удивилась. В этом доме все ходили со счетом чужого сна под рубашкой.

— Ленты оставь мне, — сказала я.

Он глянул на узел у пояса, на меня, на дверь дедовой половины. Потом вытащил ленты и положил на перила. Розовое масло. Чужие духи. Я поднесла их к лицу и вдохнула — так, как вдыхают, чтобы узнать, а не чтобы насладиться. Под розовым маслом был тонкий запах лаванды и дыма. Так пахнет комната, в которой месяцами жгут свечи от дурного глаза.

Я завернула ленты в свой платок и спрятала за пазуху. Не как улику. Как чужую тайну, которую мне не доверили, а подсунули.

В коридоре пахло холодным камнем и чужим сном. Я пошла дальше, к кабинету мужа. Шаги отдавались в тишине слишком громко, и я замедлила их, чтобы не прийти раньше, чем собиралась. Три минуты. Две. Минута.

У двери в кабинет я остановилась и поправила волосы. Зря. Они все равно были собраны узлом, перехвачены той самой лентой, которую я только что спрятала. Я перехватила узел шпилькой и подняла руку, чтобы постучать.

Дверь открылась раньше.

Дарвен Ашт стоял в проеме, без камзола, в расстегнутой рубашке, с полосой сажи на скуле, будто только что от печи. Глаза у него были такие, что я не сразу нашла в них место для своего взгляда. Не холодные и не теплые. Серые, как зола, в которой только что гаснет уголь.

— Ты рано, — сказал он.

— Я хотела, чтобы ты увидел меня первой, — ответила я.

Он чуть двинул бровью. Не удивился. Отступил на полшага, впуская меня в кабинет. Я перешагнула порог и почувствовала, как браслет под рукавом дрогнул и снова стал ровным, спокойным. В этой комнате мне не вдали. Пока не вдали.

Кабинет был не тем, что я ожидала. Не кабинет хозяина, а кабинет человека, который пришел в чужой дом и не успел его обжить. Стол — дубовый, чужой, с чернильным пятном у правого угла. Кресло — высокое, хозяйское, с продавленным сиденьем. Стул для посетителя — низкий, гостевой, с тонкой ножкой. На стене — карта поместья, исчерканная красными и

синими чернилами. В углу — небольшой сундучок, окованный медью, без замка. На сундучке — перчатки, которые он никогда не носил, и плетъ, которую он никогда не брал в руки.

Я села в хозяйское кресло. Не потому что имела право. Потому что он мне его уступил, не успев сесть сам. Я не стала уступать обратно. Это было бы слабостью, а в чужом доме слабость стоит дороже денег.

Он сел на гостевой стул. Колени у нас почти столкнулись. Я положила саквояж на стол между нами и расстегнула ремень.

— Здесь письмо палаты, — сказала я. — И приданое, которое собирали без моей матери. Я хочу, чтобы ты его проверил.

Он наклонил голову. Я заметила, как он чуть подался вперед — не к саквояжу, а ко мне. К моим рукам, которые лежали на столе.

— Покажи.

Я достала письмо палаты и разложила перед ним. Серую бумагу с печатью без подписи казначея. Он прочитал быстро, не перечитывая. Я следила за его лицом. Когда он дошел до строки про Тивера Ашта как единственного свидетеля, его скулы сжались. Не от злости. От того, что я и ожидала: от стыда за чужую подпись.

— Это не твоя подпись, — сказала я.

— Нет, — ответил он.

— Это подпись Тивера.

— Да.

— И печать палаты, но без казначея.

— Без.

— Значит, советник получил письмо с печатью, но без денег на дорогу. Кто-то в палате не захотел платить за твою измену.

Он поднял на меня глаза. В них впервые за утро мелькнуло что-то живое.

— Ты быстро считаешь, — сказал он.

— Я считаю лучше, чем говорю. И лучше, чем мне дают.

Он чуть двинул уголком рта. Не улыбнулся. Просто отпустил что-то внутри. Я поняла, что он ждал от меня не этого. Он ждал слез, или обвинений, или хотя бы вопроса «как ты мог». А я принесла ему письмо, в котором его предали люди из его же рода, и села в его кресло.

Я достала из саквояжа второе — приданое. Чужие ленты, чужая вышивка, чужой узор на скатерти. Я разложила их на столе рядом с письмом.

— Это собирала не моя мать, — сказала я. — И не моя бабка. Я не знаю этих стежков. И я не знаю этой ткани.

Он наклонился ближе. Пальцы его легли на край вышивки, и я увидела, как он узнал узор. Не сам узор — руки, которые его шили. Тонкие, привычные к игле, с одним лишним стежком в углу.

— Это работа Ирсы, — сказал он тихо.

Я кивнула. Не потому что он мне сказал. Я сама догадалась по стежку. Один лишний, как подпись.

— Зачем? — спросил он.

Я не ответила. Я не знала зачем. Я знала только, что Иrsa Ланн не стала бы тратить месяц на чужое приданое просто так. Либо она хотела показать мне, что в этом доме она — хозяйка, а я — гостья. Либо она хотела, чтобы я узнала почерк и не смогла ее выдать совету. Либо она хотела, чтобы Дарвен увидел и понял, что она все еще рядом.

Я сложила ленты обратно в саквояж. Не спрятала. Оставила на столе. Пусть лежат, пока он не скажет, что с ними делать.

— Ты не спросишь, почему я пришла раньше? — спросила я.

Он посмотрел на меня. Не на саквояж, не на письмо, не на ленты. На меня.

— Ты пришла, чтобы я увидел тебя первой, — сказал он. — Я увидел.

Я не отвела взгляда. Под браслетом впервые за утро стало так тепло, что я испугалась. Не его. Себя. Того, как легко мне было сидеть в его кресле, в его кабинете, в его доме, который я еще не считала своим. Я сняла руку со стола и положила на колени. Под рукавом браслет остыл ровно настолько, чтобы я вспомнила, зачем пришла.

— В кабинете Бранна я нашла вторую книгу, — сказала я. — Уголь три меры в седмицу. По указу.

Он не дрогнул. Только чуть сжал челюсть.

— Чей указ? — спросила я.

— Матери, — ответил он. — Матушки лорда. Она до сих пор считает, что в восточном крыле живут мы с тобой, когда приезжает совет.

— А на самом деле?

Он промолчал. Я подождала. Молчание в его кабинете стоило дороже слов.

— Там живет Эль, — сказал он наконец. — Племянник. Сын старшего брата.

Я кивнула. Не потому что не знала. Потому что хотела услышать, как он это скажет. Он сказал коротко, без лжи, и браслет не дрогнул. Значит, правда.

— Его прячут? — спросила я.

— Его берегут, — ответил он. — Совет сжег бы его за печать Ашт на плече.

Я вспомнила мальчика с корзиной бинтов. У него на плече был ожог. Углем. Не случайно.

— Кто нарисовал печать? — спросила я.

— Я, — сказал он.

Я закрыла глаза на секунду. Под веками стоял кабинет, в котором пахло холодным потом и чужим сном. И мальчик, которого сожгли за то, что дядя дал ему право носить родовой знак.

— Советник придет завтра, — сказала я, не открывая глаз. — Он потребует показать дом. Включая восточное крыло.

— Да, — сказал он.

— Мальчик будет в комнате, когда советник войдет?

— Да.

— И советник увидит печать на его плече.

— Да.

Я открыла глаза. Он смотрел на меня так, как смотрят на человека, которому собираются передать что-то тяжелое.

— Я подпишу его воспитанником лечебницы, — сказала я. — В своей тетради. Не в книге Бранна. До приезда советника.

Он не ответил. Я видела, как у него дрогнули пальцы на колене. Мелко, едва заметно. Под браслетом у меня стало горячо. Не от чужой вины. От того, что он впервые за шесть лет услышал, как женщина в его доме говорит «я подпишу», а не «ты подпиши».

— Зачем тебе это? — спросил он.

Я подумала. Не о том, что он имел в виду. О том, что мне самой было нужно.

— Потому что в моем доме не сжигают детей, — сказала я. — И потому что я устала считать чужой уголь.

Он встал. Я не ожидала. Он подошел к окну, отодвинул тяжелую штору и посмотрел во двор. Там, внизу, Бранн считал вслух, и голос его доходил до нас глухо, как из погреба.

— Ты останешься? — спросил он, не оборачиваясь.

— Я уже осталась, — ответила я. — Я в твоём кресле.

Он обернулся. В его глазах было что-то, что я не сразу назвала. Потом назвала. Благодарность. Не за себя. За мальчика, который сидел за закрытой дверью в восточном крыле и не знал, что его уже подписали.

Я встала. Подошла к двери. Положила руку на ручку и обернулась.

— Ключ от восточного крыла, — сказала я. — У Бранна или у тебя?

— У меня, — ответил он. — Я открою тебе утром. Сам.

Я кивнула. Вышла. В коридоре пахло холодным камнем и чужим сном. Под браслетом было тепло. Я спустилась в кухню, взяла у Ронны миску каши и пошла через кладовую к задней лестнице. Вторую книгу я несла под передником. Тетрадь, в которой впервые за шесть лет кто-то вписал живого мальчика, лежала у сердца.

Я вышла в коридор. Наверху, над головой, скрипнула дверь. Тяжелая мужская поступь прошла по половицам и остановилась. Он меня не видел. Он ждал меня в кабинете, а я стояла внизу, с двумя книгами в голове, и знала, что уголь в этом доме кончается быстрее, чем его привозят. И что кто-то этот уголь считает тщательнее, чем кухарка.

Браслет под рукавом снова дрогнул. На этот раз теплее.

Я поднялась по лестнице, перехватила саквояж и пошла к кабинету мужа. До его срока оставалось двадцать минут. Я собиралась прийти на четыре минуты раньше. Чтобы он увидел меня первой, а не наоборот.

Глава 2. Ключ от кухни

Ключ лежал на каминной полке, как вызов, на который никто не собирался отвечать. Медный, без бирки, без шнурка, чуть теплый от угля. Я сняла его и сразу почувствовала, как чужая рука оставила на нем свой отпечаток: металл был стерт с одного бока, там, где обычно держат, когда не хотят отдавать.

Я приехала в замок Ашт не невестой. Я приехала инвентаризацией. Мне нужна была кухня, кладовая и лечебница, а не брачное ложе и не почетный караул у дверей мужа, которого я видела впервые. Саквояж мой стоял у порога, нераспечатанный, потому что распаковывать было нечего: я собиралась считать, а не обживать.

Слуги смотрели так, будто я была незваной гостьей на чужих поминках. Управляющий, Бранн, сухой и точный, как счетная кость, ждал меня в нижней зале. Рядом стоял стражник, Сторм, с каменным лицом, и моя собственная служанка, Кейра, с глазами, в которых застыло опоздание на всю жизнь.

— Госпожа Ронн, — сказал Бранн, и в его голосе слово «госпожа» прозвучало как опись имущества, — приданое ваше принято. Комнаты вам отведены в западном крыле. Ключ от хозяйского крыла будет передан после совета.

Я положила ключ обратно на полку. Медный стук о камень был единственным звуком, который я могла себе позволить.

— Ключ от хозяйского крыла, — повторила я, — входит в брачный договор, подписанный моим отцом и моим дядей. Договор вступил в силу в тот момент, когда я переступила порог вашего дома. Я его не прошу. Я его беру.

Бранн не двинулся. Его глаза были маленькими, как у человека, привыкшего считать чужие деньги и не показывать своих.

— Совет рода еще не собирался, — сказал он. — Тивер Ашт, опекун дома, прибудет к вечеру. До его решения хозяйское крыло остается за мной.

Я подошла к нему. Не близко, но так, чтобы он видел, что я не дрожу. Я не дрожала. Меня продали, но дрожать мне не продали.

— В брачном договоре, — сказала я, — нет ни слова о том, что право хозяйки начинается с разрешения дяди. Там сказано: «с момента принятия ключа». Я принимаю ключ сейчас. Если у вас есть возражение, вы можете подать его в совет. Совет его рассмотрит. А пока суд да дело, я осмотрю кухню и лечебницу.

Сторм, стражник, кашлянул. Это было неодобрение, но такое, в котором проскальзывало что-то похожее на уважение. Кейра опустила глаза, и я увидела, как у нее чуть дрогнули пальцы, сжимавшие край передника.

Бранн посмотрел на ключ. Потом на меня. Потом на ключ.

— Осмотр кухни, — сказал он, — я могу разрешить. Лечебница закрыта до приезда знахарки, которую пригласил совет.

— Знахарку я приму, — сказала я. — Когда она приедет. А пока я хочу видеть, чем меня собираются лечить, если я упаду с вашей лестницы.

Я взяла ключ. Он не был холодным. Он был чужим, и от этого казался теплее моей собственной кожи.

Кухня оказалась больше, чем я ожидала. Каменный пол, выскобленный до белизны, огромный очаг, три котла, ряды медной посуды, которая не видела огня с прошлой зимы. На столе лежала раскрытая книга прихода, и я сразу увидела то, что искала: цифры по углю и муке были аккуратные, но в графе «расход на лечебницу» стояла сумма, которая не сходилась с числом больных. Угля уходило больше, чем нужно для кухни. Муки тоже. Разница была ровно на одну комнату, на одну маленькую, незаметную комнату, которую от меня прятали.

Я села за стол и взяла перо. Бранн стоял в дверях, и я чувствовала его взгляд, как чувствуют сквозняк в комнате, где нет окон.

— Бранн, — сказала я, не поднимая глаз, — кто у вас живет в восточном крыле?

Он промолчал. Это было ответом, который стоил больше любых слов.

Я записала: «Уголь. Мука. Жгут. Разница ровно на одну комнату». Потом перевернула страницу и прочла последнюю запись, сделанную чужой рукой, с нажимом, похожим на почерк моей матери: «Совет решил. Дарвен не виновен. Дарвен виновен. Решим позже». Запись не была дописана. Кто-то остановился на полуслове и не вернулся.

Я закрыла книгу. Медный ключ от хозяйского крыла лежал у меня в кармане, тяжелый, как обещание, которое мне никто не давал. Я знала, что совет Тивера придет к вечеру и что он потребует ключ назад. Я знала, что печать рода Ронн, которую я носила на запястье под браслетом, не позволяла мне лгать о вещах, которые касались дома. А я только что соврала, что приехала сюда считать уголь.

Я приехала сюда считать людей.

В дверях кухни показалась тень. Невысокая, острая, с книжкой под мышкой. Эль, племянник моего мужа, смотрел на меня так, будто решал, можно ли мне доверять. Я решила за него: нельзя. Пока нельзя. Но я могу начать первой.

— Тетя, — сказал он, и это слово прозвучало в пустой кухне, как первый звук нового дома, — вас там дядя спрашивает.

Я встала, заправила выбившуюся прядь под платок и пошла навстречу человеку, которого весь двор считал предателем. В кармане у меня лежал ключ, в голове — первая цифра, на сердце — печать, которая уже начинала считать мои собственные тайны.

Лестница в башню была узкой, как чужой грех, и от нее пахло сырой шерстью. Я считала ступени, чтобы не считать удары сердца. На двадцать четвертой ступени запястье обожгло так, словно кто-то провел по нему раскаленной монетой. Я замерла, прижала руку к груди и почувствовала под браслетом новую припухлость, горячую, живую.

Дарвен Ашт ждал меня в верхней зале, у окна, через которое было видно только серое небо и черепицу, мокрую от позднего дождя. Он не обернулся. Он знал, что я здесь, потому что дом уже считал меня своей, даже если сам дом этого еще не понимал.

— Ты взяла ключ, — сказал он, не поворачиваясь. Голос был ровный, низкий, и от этого казался опаснее любого крика.

— Ключ был на полке, — ответила я, — а в брачном договоре нет ни слова о полке.

Он обернулся. Глаза у него были такие, что я отвела взгляд первой и возненавидела себя за это мгновенно. Дарвен смотрел, как смотрят на документ, в котором нашли ошибку, и одновременно как на женщину, которую хочется убрать из комнаты, а потом вернуть обратно.

— Совет решит, — сказал он.

— Совет решит, — согласилась я. — А пока суд да дело, я осмотрю кухню. Там в книгах не сходятся цифры по углю и по жгуту. Разница ровно на одну комнату.

Он шагнул ко мне. Один шаг, медленный, как будто давал мне время уйти. Я не ушла. Между нами остался стол, заваленный картами, и запах его рубашки: железо, хвоя и что-то еще, теплое, кожное, от чего у меня перехватило горло.

— Не лезь в восточное крыло, — сказал он тихо, и это была не просьба, и не приказ, а что-то третье, чего я не умела читать.

— Если там больной, — ответила я, и голос у меня был тверже, чем я ожидала, — он получит жгут и уголь. Если там шлюха, она тоже получит уголь, потому что уголь нужен всем. Если там тайна, которую вы прячете от совета, я узнаю о ней не из ваших слов.

Он смотрел на меня долго. Потом опустил глаза, и я увидела, как у него свело скулы. Печать ударила его по лицу, и он не смог этого скрыть.

— Лжешь, — выдохнула я, и само слово обожгло мне язык.

— Уходи, — сказал он.

Я ушла. На лестнице меня догнал Эль, пристроился рядом, как тень, и молча сунул в руку сложенный вчетверо лист. Почерк был детский, корявый, но разборчивый: «Тетя, у мальчика в восточном крыле опять горит плечо. Он плачет ночью. Дядя не знает, что я знаю».

Я остановилась. Эль смотрел на меня снизу вверх, и в его глазах была та решимость, с которой дети бросаются с обрыва, потому что им сказали, что внизу вода.

— Как тебя зовут по-настоящему? — спросила я.

— Эль, — сказал он. — Все зовут Эль.

— Это не имя, это звук. Как тебя зовут те, кто тебя любит?

Он замялся. Потом сказал тихо:

— Эль.

Я взяла его за руку. Рука была холодная, тонкая, с мозолью от перчатки. Мы спустились в кухню, и там я первым делом велела Кейре принести чистого полотна, горячей воды и того самого жгута, которого в книге было на одну комнату больше, чем нужно.

— Куда? — спросила Кейра, и глаза у нее стали большие.

— В восточное крыло, — сказала я. — Ключ у меня.

Кейра посмотрела на Бранна. Бранн посмотрел на меня. Потом он опустил глаза и отошел к окну, и этот маленький жест отступления стоил мне больше, чем любая его подпись.

Мальчик лежал на узкой койке, застеленной серым сукном. Ему было лет семь, не больше. На левом плече горел свежий ожог в виде малой печати Ашт, красный, влажный, с подсохшими корочками по краям. Он сжался, когда я вошла, и я села на пол, у его кровати, чтобы он видел только мои руки и мои глаза.

— Я тетя Эля, — сказала я. — Я принесла тебе воду. Можно?

Он кивнул. Я промыла ожог, наложила повязку, и он не заплакал, только стиснул зубы так, что на висках выступил пот. Я дала ему глоток воды из своей фляги и почувствовала, как в кармане у меня тяжелеет ключ, а на запястье гаснет чужой огонь.

В дверях стоял Дарвен. Он смотрел на мальчика, и лицо у него было такое, будто кто-то вынул из него кость. Он не сказал ни слова. Он только переступил порог комнаты, которую я не должна была открывать, и в этот момент я поняла две вещи.

Первая: печать рода больше не бьет меня. Вторая: совет Тивера придет к утру, и ему понадобится не ключ, а моя голова.

Я вымыла руки в тазу, который Кейра принесла из кухни, и вода в нем стала розовой от его корочек. Он все еще не плакал, и от этого мне было страшнее, чем если бы кричал: дети, которые не плачут, уже знают, что плакать не к кому. Я вытерла руки о передник, подоткнула ему одеяло и вышла, потому что оставаться дольше значило задавать вопросы, на которые он не мог ответить при человеке у двери.

Дарвен не ушел. Он стоял в коридоре, прислонившись плечом к стене, и смотрел не на меня — на мальчика за моей спиной. У него было лицо человека, который проснулся ночью и обнаружил, что его дом обыскали, а он не слышал. Я закрыла дверь и встала между ним и комнатой, потому что это была моя дверь с этой минуты.

— Кто он, — сказала я. Не спросила, потому что вопросы у меня кончились.

Дарвен не ответил. У него на скулах проступила белизна, и я поняла, что он снова собирается соврать, и что печать уже готова. Я ждала. Коридор пах сырой шерстью и лавандой от его рубашки, и между нами было шага три, но воздух был плотный, как перед грозой.

— Не твой, — выдохнул он наконец. Одно слово, и я почувствовала, как у меня под brasлетом наливается жар.

— Чей тогда.

— Брата. Старшего. Его сын.

Я смотрела на него и считала. У него был старший брат. Старший брат умер. После его смерти осталась жена, которая теперь приживалкой живет в западном крыле, и совет, который из ребенка сделал тайну. Печать ткнула меня под кожу, и я стиснула зубы, потому что поняла: он сказал правду, но не всю. Половина правды — это та же ложь, только красиво упакованная.

— Его мать знает, где он, — сказала я.

Он промолчал. И я увидела все, что хотела увидеть: мать не знает. Мать думает, что ребенок умер. Мать — Ирса Ланн, которая каждое утро спускается по лестнице с таким видом, будто мир ей лично должен, и прижимает к груди платок с вышитой монограммой мужа, которого она же сама попросила сослать. Ребенок был спрятан от нее. Ребенок был спрятан от совета. Ребенок был спрятан от меня, пока я сама не открыла дверь.

— Совет Тивера придет к утру, — сказала я. — Если он увидит мальчика, совет заберет его как доказательство против тебя. Если он не увидит мальчика, совет спросит, почему я открыла дверь, которую не должна была открывать.

— Я знаю, — ответил Дарвен.

— Ты знаешь и молчишь. Это не одно и то же.

Он шагнул ко мне, и я не отступила, хотя колени у меня были ватные. Он был высокий, теплый, пахнущий железом и своей собственной кожей, и у него на виске билась жилка, которую я могла бы пересчитать по ударам, если бы подошла ближе. Я не подошла.

— Что ты хочешь, — спросил он тихо.

Я хотела сказать «уйти». Я хотела сказать «вернуть свою жизнь, в которой меня не продавали». Я хотела сказать «отойди, я не могу думать, когда ты так пахнешь». Я сказала:

— Книгу. Обе книги. Те, что в кладовой, и те, что у тебя в кабинете. До рассвета. Мне нужно знать, на что уходят деньги дома, прежде чем совет начнет считать их за меня.

Он смотрел на меня так, будто я только что вытащила у него из-за пазухи нож и он не успел решить, ранила я его или себя. Потом он кивнул — коротко, один раз, как будто проиграл, — и пошел к лестнице.

Я выдохнула. У меня тряслись руки, и я спрятала их под передник, чтобы Эль, который выглядывал из-за угла, не увидел. Эль смотрел на меня с той звериной серьезностью, с которой дети смотрят на взрослых, когда впервые понимают, что взрослые тоже могут бояться.

— Тетя, — сказал он, — дядя вас не обидит.

— Я знаю, — сказала я, и это была первая ложь, которую я сказала ему в лицо.

Я вернулась в кухню, достала из-под прилавка вторую книгу, ту, которую Бранн считал спрятанной, и открыла на странице с углем. Цифры сходились. Те, что были нужны мне, чтобы выжить до утра, и те, что были нужны совету, чтобы закопать моего мужа. Я села за стол и начала писать свою колонку — третью, рядом с его и Бранновой. Колонка называлась «невесткин счет». Под ней я поставила дату и свою подпись, мелкую, острую, как мой почерк, как моя злость, как мой единственный ключ, который теперь весил в кармане не тяжелее пуговицы.

Ключ лег в карман как монету, которую дали вместо сдачи.

Я вернулась в кухню через черный ход, чтобы не идти мимо кладовой, где меня могла перехватить Ирса Ланн с ее платком у груди и вопросом, на который я не собиралась отвечать. В кухне пахло подгоревшей кашей и холодным жиром. На столе, который я только утром отмыла от муки, опять лежала грязная тряпка, а рядом — записка Бранна, короткая, как удар: «Вторая книга в шкафу за мукой. Ключ у Кейры. Не открывать без него».

Я взяла ключ у Кейры прежде, чем она успела спрятать его за спину. Она вздрогнула, но не возразила — в этом доме мне уже не перечили, и от этого было страшнее, чем от тех, кто перечил.

Вторая книга лежала между мешками с крупой, в чехле из промасленной кожи. Я открыла ее на столе, подвинув тряпку локтем, и прошлась пальцем по колонкам.

Уголь. Жгут. Мука. Свечи. Сено для лошадей. Мясо для кухни. Лечебные сборы. Все цифры были аккуратные, ровные, с подписью Бранна и его малой печатью. Все цифры сходились — кроме одной.

Комната в восточном крыле. Каждый месяц — ровно три меры угля, четыре жгута, два сбора для припарок. Ни имени жильца, ни отметки о болезни, ни подписи лекаря. Только номер комнаты и сумма, которую кто-то аккуратно прятал за общими расходами дома.

Три меры угля — это комната, в которой кто-то живет. Четыре жгута — это комната, в которой кто-то болеет. Два сбора — это комната, за которую платит тот, кто знает, что совету знать не надо.

Я переписала колонку в свою тетрадь, ровным почерком, без округлений. Поставила дату и подпись. Под подписью приписала: «Невесткин счет. Проверено. Расхождение найдено».

Кейра стояла у двери и не смотрела мне в глаза.

— Кто платит за эту комнату, — спросила я.

— Бранн, — ответила она тихо. — Из хозяйских денег.

— А жилец?

Она промолчала. Я закрыла книгу и положила на нее ладонь, чтобы она поняла: я не открою эту дверь сегодня. Я открою ее, когда у меня будет подпись мужа, а не ключ управляющего.

— Тетя, — сказала Кейра и запнулась.

Я подняла голову. У нее было лицо человека, который решает, стоит ли его собственная жизнь цены правды.

— Совет Тивера выезжает на рассвете, — выговорила она. — Ирса Ланн написала им еще вчера. Она написала, что вы открыли восточное крыло без приказа лорда.

Я встала. Стул скрипнул по полу, и в кухне стало тесно от одной мысли: у совета будет моя голова и моя подпись. Если я не подпишу отчет против Дарвена, совет заберет мальчика. Если я подпишу — заберет меня.

— Кто еще знает, что я открыла ту дверь?

— Сорм видел меня с ключом, — сказала Кейра. — Больше никто. Но Ирса не спрашивает. Она знает.

Я спрятала ключ в карман, рядом с тем, что уже лежал там. Два ключа от одного дома, и оба были не от той двери, за которой жила правда. За дверью, которую мне придется открывать самой, стоял мальчик с ожогом в виде печати на плече, и его дядя, который только что соврал мне в лицо, и его мать, которая думала, что он умер, и совет, который ехал за его головой.

Я вымыла руки в тазу, вытерла их о передник и пошла к лестнице. В этот раз я не прятала руки. Мне нужно было подняться к Дарвену и сказать ему, что у его матери, которую он прятал от совета, сегодня ночью есть только два выхода: мой отчет или мой побег.

И оба кончались для меня одинаково.

У лестницы меня ждал Эль. Он сжимал в руках грязную тряпичную куклу, с которой, видимо, никогда не расставался, и смотрел на меня снизу вверх.

— Тетя, — сказал он. — Вы ведь не уедете?

На лестнице пахло холодным деревом и чужим табаком — тонким, как папиросная бумага, — и я узнала этот запах прежде, чем увидела того, кто курил. Дарвен стоял у перил на площадке второго этажа, где коридор упирался в его дверь, и смотрел вниз, на меня. Не на Эля, на меня. Так, будто считал ступеньки, которые мне оставались, и не хотел, чтобы я их считала вместе с ним.

— Я знаю, что ты открыла восточное крыло, — сказал он. Не спросил.

Я остановилась на предпоследней ступени, чтобы он смотрел на меня чуть снизу. Это было мелко, и я это знала, и он это знал, и от этого было чуть легче.

— Ключ у Бранна, — ответила я. — Не у меня.

— Ключ у моей матери, — поправил он. — Бранн только хранит.

Мы помолчали. Эль за моей спиной дышал так тихо, что я слышала, как где-то внизу Сторм переступает с ноги на ногу у входа в караулку.

— Совет Тивера выезжает на рассвете, — сказала я. — Ирса Ланн написала им. Она написала, что я вошла в комнату без твоего приказа. Это правда. Это и ложь — потому что приказа не было, но не было и запрета. У меня есть договор.

Он сжал перила. Костяшки у него побелели, и я впервые увидела, как он злится на себя, а не на меня.

— Ты пойдешь со мной, — сказал он. Не попросил. Приказал.

— Я пойду, — согласилась я, и он моргнул, потому что не ждал согласия так скоро. — Но сначала ты мне кое-что отдашь.

Я вытащила из кармана оба ключа — тот, что мне дали утром, и тот, что взяла у Кейры, — и положила ему на ладонь. Он посмотрел на них так, будто я положила ему двух мертвых птиц.

— Я не войду к твоей матери без твоей подписи, — сказала я. — Если совет спросит, я покажу твою подпись. Если совет спросит, кто открыл дверь, я покажу на тебя. Если ты хочешь, чтобы мальчик остался в этом доме, ты должен дать мне не ключ, а бумагу. Потому что ключ отбирают, а бумагу — нет.

Он молчал. Я слышала, как под лестницей, у кухонной двери, звякнула щеколда — Кейра вышла во двор и сразу вернулась, чтобы нас не слышали, и от этой тихой преданности у меня защипало в горле.

— Я дам тебе бумагу, — сказал он наконец. — Сейчас.

Он прошел мимо меня в кабинет, и я пошла за ним. На столе у него лежали те самые книги, которые я требовала вечером, и обе были открыты. Он сел, взял перо, долго смотрел на лист, будто прикидывал цену каждому слову, и написал: «Жене моей Ливее Ронн, хозяйке дома Ашт, вверяю восточное крыло и все, что в нем, до решения совета. Подпись — Дарвен Ашт, лорд». Под подписью он поставил малую печать — ту, которой клеймили коней и грамоты.

Я взяла лист двумя пальцами, как брала когда-то у отца приходные счета.

— Этого мало, — сказала я.

Он поднял голову.

— Мне нужна еще одна строчка, — сказала я. — «За мной и за тем, кто в той комнате, я отвечаю перед советом сам». Тогда совет не спросит, зачем я открыла дверь. Он спросит у тебя, почему ты за него отвечаешь. И это будет твой выбор, не мой.

Он долго смотрел на меня, и я впервые видела в его глазах не холод, а усталость, от которой мужчины ломаются тихо, без треска. Потом он дописал строчку. Почерк у него дрогнул только один раз, на слове «сам», и я запомнила эту дрожь, как запоминают цену, которую заплатили за тебя.

Я сложила лист, убрала за пазуху, рядом с ключом, и пошла к двери. На пороге обернулась.

— Утром я войду к ней с тобой, — сказала я. — Не одна. И совету я отвечу как твоя жена, а не как твоя служанка. Если ты согласен — кивни. Если нет — я все равно войду, но тогда твоей подписи в этой бумаге не будет.

Он кивнул. Один раз, как утром, когда я потребовала книги, и от этого кивка у меня потемнело в глазах от злости и от чего-то еще, чему я пока не давала имени.

Я вышла. Внизу, у лестницы, Эль держал в руках свою тряпичную куклу и смотрел на меня снизу вверх, и я впервые подумала, что в этом доме есть кто-то, ради кого стоит не уезжать даже тогда, когда уезжать — единственный разумный выход.

Я остановилась. У меня было две секунды, чтобы решить, соврать ему или сказать правду, которая была бы для него страшнее любого обмана.

— Если уеду, — сказала я, — я заберу тебя с собой. И это не обещание. Это план.

Он кивнул, и я поднялась по лестнице, считая ступени, чтобы не считать минуты до рассвета.

Глава 3. Чужие духи

Утром кухня пахла старым жиром и печным дымом, и я поняла, что к этому запаху придется привыкать быстрее, чем к чужому дому. Кейра поставила передо мной тарелку с кашей и кружок молока, посмотрела, как я дую на ложку, и отвела глаза. Мне нужно было не есть, а считать. Я поднялась, перекинула через руку фартук, который мне вчера выдали вместе с ключом, и пошла вдоль стены.

Ключ от хозяйственного крыла грел мне бедро сквозь карман. Это была первая вещь, которую я получила от мужа и не собиралась возвращать.

Кладовая оказалась больше, чем я думала. Мешки с мукой стояли в три ряда, уголь сыпан в низкие закрома, на гвоздях висели связки сушеных трав. Запах был густой, плотный, почти сладкий от чебреца. Я провела пальцем по полке. Пыль. На верхней полке меньше, на нижней больше. Значит, кто-то часто спускается за травами. Не повар.

Кейра мялась у двери.

— Дай мне книгу, — сказала я.

— Какую?

— Ту, в которую записывают, сколько чего ушло.

Она исчезла и вернулась с тяжелой тетрадью в кожаном переплете. Я положила ее на мешок с крупой, раскрыла. Почерк был мелкий, сухой, явно женский. Сверху имя прежней хозяйки. Меня передернуло, но я стала считать.

Мука. По книге за седмицу ушло четыре мешка. По мешкам на полке не хватало одного с четвертью. Уголь. По книге ушло шесть корзин. В закромах лежало на три корзины меньше. Жгут. По книге ушло двенадцать мотков. На гвозде висело восемь. Я пересчитала дважды, закусил губу и вывела на полях карандашом: минус один мешок, минус три корзины, минус четыре мотка.

Я не знала, куда уходит чужое. Знала только, что оно уходит.

— Кто заходит в кладовую кроме тебя? — спросила я у Кейры.

— Бранн, — она запнулась. — Управитель. Приносит ключи от верхних комнат.

— Каких верхних?

— Восточное крыло, — она сказала это слишком быстро и тут же уставилась в пол.

Я закрыла книгу. Провела пальцем по корешку и почувствовала, как внутри что-то сжалось. Не страх. Скорее злость, чистая и горячая, как кипяток. Меня продали под чужой долг. Мне не дали ни имени, ни права голоса. Но мне дали ключ и тетрадь, и это было больше, чем у них.

Шаги в коридоре были тяжелыми. Я узнала их раньше, чем увидела мужа.

Дарвен Ашт остановился в дверном проеме. Высокий, темноволосый, в расстегнутом вороте рубашки. От него пахло чужими духами, не моими, не здешней кухни. Это был запах сладкий, дурманящий, и я сразу поняла, чей он. Ирса Ланн любила розовое масло.

— Ты считаешь мою кладовую, — сказал он. Не спросил. Констатировал.

— Я считаю свою кладовую, — ответила я, не отрывая глаз от книги. — Здесь не хватает угля и жгута. И муки. Хочешь проверить?

Он шагнул ближе. Я почувствовала запах сильнее. Свежий, настойчивый. Мужской пот и женский аромат, и я заставила себя не дернуться.

— Это не твое дело, — сказал он.

— С сегодняшнего дня мое, — я подняла взгляд. — По брачному договору я отвечаю за хозяйственное крыло. Если ты не согласен, позови совет.

Тишина повисла между нами, как натянутая тетива. Он смотрел на меня сверху вниз, и я видела, как у него чуть дернулась щека. Не злость. Что-то другое. Может быть, удивление, что я не отвожу глаза. Может быть, злость, что я не отвожу глаза.

— Ты моя жена, — сказал он.

— Я хозяйка дома, — ответила я. — И пока я считаю уголь, мне плевать, чьи духи на твоей рубашке.

Он отступил на полшага. Я заметила, как его пальцы сжались в кулак и тут же разжались. Под браслетом на моем запястье кольнуло. Не сильно, но ощутимо. Я знала, что это значит. Он врал. Но я не поняла, в чем именно, и от этого стало только злее.

— Завтра, — сказала я, — я обойду восточное крыло. Если не откроешь сам, я выломаю дверь.

— Ты не посмеешь.

— Посмею, — я захлопнула книгу. — Я уже посмела взять твою кладовую. Что мне еще одна дверь?

Он ушел. Шаги были тяжелыми, но я слышала, что он остановился за поворотом. Не ушел далеко. Стоял и думал, что я не замечу. Я заметила. Я всегда замечаю, когда кто-то стоит за дверью.

Кейра смотрела на меня круглыми глазами.

— Госпожа, — пролепетала она, — вы не должны были так с ним.

— Я должна была молча есть кашу и ждать, пока он переспит с прежней невестой в комнате над моей головой? — я спросила это ровно, без крика, и от этого Кейра побледнела сильнее.

Я вышла из кладовой с книгой под мышкой. В коридоре было холодно, и я чувствовала, как чужие духи оседают на моей коже, смешиваясь с запахом чебреца. Я буду помнить этот запах. Буду помнить, как он смотрел на меня, когда я не отвела глаза. Буду помнить, как он врал мне о простой вещи, и печать кольнула меня за это.

Завтра я войду в восточное крыло. С его ключом или без.

Я не стала возвращаться в свою комнату. Пошла вдоль стены, считая двери и прислушиваясь к дому. Чужой дом всегда выдает себя звуком: где скрипит половица, где гудит печная труба, где кто-то ходит ночью. Я запоминала.

В коридоре у западного крыла пахло розовым маслом. Густо, приторно, до тошноты. Я остановилась. Дверь была прикрыта неплотно, и из щели тянуло теплом. Значит, там топили. Значит, там кто-то жил. Я сделала себе пометку в голове: западное крыло, розовое масло, тепло. Ирса Ланн.

Я спустилась в кухню через черный ход. Там уже вовсю стучали ножами и шипело масло на сковороде. Повар, плечистый мужик с красными от жара руками, покосился на меня и отвернулся. Кейра семенила следом, заламывая пальцы.

— Госпожа, вам лучше не здесь.

— Мне лучше там, где считают, — ответила я и взяла у нее из рук связку ключей. — Это от чего?

— От погреба. И от угольной ямы. И от молочного подвала.

— Три ключа. А на связке было пять.

— Два у Бранна. Один от верхней кладовой, другой от восточного крыла.

Я кивнула. Провела пальцем по холодному железу. Мне дали меньше, чем у управляющего. Это было ожидаемо. Это было даже честно.

В погребе я просидела час. Пересчитала бочки с солониной, мешки с крупой, головки сыра на полках. Записывала в свою тетрадь, которую принесла из дома. Почерк у меня был хуже, чем у прежней хозяйки, но цифры сходились. Сходились почти. На двух бочках клеймо маслодела было срезано. Я потрогала срез ногтем. Свежий. Не старше месяца.

Вышла, вытерла руки о фартук. На лестнице столкнулась с Бранном.

Управитель был невысокий, сухой, с лицом человека, который привык молчать за деньги. Он посмотрел на мою тетрадь, и я увидела, как его глаза чуть сузились. Не злость. Расчет. Он прикидывал, сколько я уже поняла.

— Госпожа занимается ревизией, — сказал он. Не спросил.

— Госпожа занимается своим хозяйством, — ответила я. — Ты выдашь мне ключ от восточного крыла?

— Нет.

— Почему?

— Приказ лорда.

— Лорд только что был в кладовой. Он мне не приказывал.

Бранн промолчал. Его пальцы перебирали связку на поясе, и я слышала тихий звон. Два ключа. Те самые.

— Ты знаешь, что там? — спросила я тихо.

— Знаю, — ответил он так же тихо. — И вам лучше не знать.

— Мне уже лучше. Я считаю уголь, которого нет. И жгут, которого нет. Кто-то ест за мой счет, и я хочу знать кто.

Бранн отступил на шаг. Я заметила, как у него дрогнули губы. Не страх. Жалость. Мне стало противно.

— Завтра, — сказала я, — я приду с лордом. Если он откроет, хорошо. Если нет, я пойду к Тиверу Ашту и спрошу при совете, почему хозяйке дома не дают ключ от собственного крыла.

— Это угроза, — сказал Бранн.

— Это обещание, — ответила я. — Угроза будет, когда я вернусь с советом.

Я обошла его и поднялась по лестнице. На площадке было холодно, и я слышала, как где-то наверху хлопнула дверь. Тяжелая, дубовая, с железной ручкой. Западное крыло. Значит, Ирса Ланн тоже слышала, что я приехала. И уже нервничала.

Кейра догнала меня у моей комнаты.

— Госпожа, — зашептала она, — там, в восточном крыле... мальчик.

Я остановилась.

— Какой мальчик?

— Молодой. Лет десяти. С ожогом на плече. Его прячут от совета и от прежней госпожи.

Я прислонилась к стене. Сердце стукнуло сильно и больно. Мальчик. Жгут. Уголь. Лечебница. Теперь все сходилось.

— Чей он? — спросила я, хотя уже знала.

Кейра отвела глаза.

— Говорят, племянник. По брату лорда. Сирота. Но ожог... ожог в виде печати Ашт. Не простой.

Я закрыла глаза. Под веками стоял медный свет и запах чебреца, и ярость, чистая, горячая, поднималась во мне, как тесто в квашне.

— Завтра, — сказала я, — я войду туда. С ключом или без.

И я знала, что войду.

Я не стала стучать. Толкнула дверь плечом и вошла в его кабинет, как вхожу в кладовую: с тем же правом и с тем же холодом под ребрами.

Дарвен Ашт сидел за столом, спиной к окну. Перед ним лежала карта, и его пальцы замерли над ней, когда я появилась на пороге. Свечной огарок дымил, и от дыма у меня защипало глаза, но я не моргнула. Мне нужно было, чтобы он увидел, что я не отвожу взгляда. Это единственное оружие, которое у меня есть против мужчины, который прячет ребенка за дубовой дверью.

— Ты не ждал, — сказала я.

— Ждал, — ответил он. Голос ровный, низкий, без тени удивления. — Кейра доложила.
— Кейра — моя служанка. Пусть докладывает мне.

Он поднял голову. В полумраке его глаза казались черными, и я вспомнила, как мать говорила: «Не верь мужчине, у которого глаза не умеют врать». Тогда я не поняла. Теперь поняла: если глаза честные, значит, рот будет лгать за двоих.

Я подошла ближе. Пол скрипнул под моими башмаками, и я отметила, где именно. Полезно знать, где в его кабинете скрипит. Полезно знать все скрипы в чужом доме.

— Мне нужен ключ от восточного крыла, — сказала я. — Сегодня.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я так решил.

Я села напротив, не спрашивая разрешения. Положила ладони на стол, там, где он мог их видеть. Под браслетом кожа горела с самого утра, и я знала почему. Он врал мне. Не мне — о себе. И от этого браслет жил, как живое.

— Я пересчитала уголь и жгут, — сказала я. — Мне не хватает на одну комнату. Эта комната в восточном крыле. В той комнате кто-то живет. Не служанка. Не управляющий. У меня есть основания думать, что там ребенок.

Он не двинулся. Только пальцы, лежавшие на карте, сжались в кулак. Я видела, как на костяшках проступили белые точки. Синяк под браслетом кольнул резче, и я стиснула зубы. Пусть болит. Пусть бьет. Мне нужно, чтобы он не мог молчать.

— Я не спрашиваю, чей он, — сказала я тише. — Пока не спрашиваю. Я спрашиваю, почему ты прячешь ребенка от собственной жены.

— Ты не жена, — ответил он. — Ты невеста.

— Я переступила порог твоего дома с ключом от хозяйского крыла. По договору, который подписал мой отец и твой дядя, я — хозяйка дома. Ты можешь называть меня как угодно. Закон называет меня леди Ашт.

Тишина. Свеча догорела, и в кабинете стало почти темно. Только окно давало серый свет, в котором его лицо казалось вырезанным из камня. Я не отвела глаз. Он тоже.

— Если ты не откроешь, — сказала я, — я пойду к Тиверу Ашту. При свидетелях. При дяде, который обвинил тебя в измене. Я спрошу при совете, почему в доме, за который я отвечаю перед короной, прячут ребенка. И если совет решит, что ребенок — твой, тебя спросят. Если решат, что не твой, спросят, чей. И тогда отвечать будет тот, кто его туда посадил.

Он встал. Я тоже встала. Между нами был стол, заваленный картами и чужими письмами, и я увидела на одном конверте каплю воска. Красный, родовой. Значит, письмо пришло из замка. От кого — узнаю потом.

— Ты угрожаешь мне советом, — сказал он. Не спросил.

— Я обещаю тебе совет. Угроза — это когда тебя выгонят из дома. Обещание — это когда тебя спросят при твоих людях, почему ты скрываешь мальчика с ожогом в виде твоей печати.

Он сделал шаг. Один. Я не отступила. Сердце колотилось, но снаружи я была такой же спокойной, как в кладовой, когда пересчитывала бочки с солониной. Руки я держала на виду, чтобы он видел: я не боюсь. Браслет на левом запястье лежал ровно, и только я знала, что под ним кожа горит, как после крапивы.

— Откуда ты знаешь про ожог, — сказал он. Тихо. Очень тихо.

— Кейра сказала. Кейра моя служанка. Она больше не шпионит на твоего дядю.

— Она шпионила на твоего отца.

— Значит, теперь она шпионит на меня. Так ей проще. И мне тоже.

Он смотрел на меня долго. Я видела, как в его глазах прошло что-то, что я не могла назвать. Не злость. Не страх. Что-то, от чего у меня перехватило горло и стало трудно дышать. Он не хотел, чтобы я видела это выражение, и я сделала вид, что не видела. Но запомнила.

— Завтра, — сказал он. — Я сам открою.

— Сегодня, — ответила я. — Я не ложусь спать, пока не увижу, кто ест за мой счет.

Он стиснул челюсть. Под браслетом кольнуло так, что я чуть не вскрикнула. Не от боли. От того, что я поняла. Он не врал. В эту секунду он не врал мне ни в чем. И от этого браслет замолчал. Впервые за день.

— Идем, — сказал он.

Я вышла из-за стола и пошла к двери. Он не подал мне руки. Я не ждала. Мы шли по коридору молча, и я слышала только наши шаги: его тяжелые, мои легкие. На повороте к восточному крылу пахло холодным камнем и слабым дымом. Значит, там топили. Значит, там кто-то был.

Дверь была дубовая, с железной ручкой. Дарвен достал ключ, и я увидела, как его пальцы дрогнули. Один раз. Он открыл замок и толкнул дверь.

Из комнаты пахнуло лечебными травами, теплом и чем-то сладковатым, похожим на мед. У стены, на узкой кровати, сидел мальчик. Лет десяти, худой, с темными волосами и глазами, в которых я увидела страх. На его плече, поверх старого ожога, была нарисована углем печать Ашт. Не родовая. Боевая. Та, что ставят братьям по печати.

Я остановилась на пороге.

Мальчик посмотрел на меня, потом на Дарвена, и я увидела, как его губы сжались в тонкую линию. Он не плакал. Он ждал.

Я вошла, присела перед ним на корточки и посмотрела ему в глаза. Он не отвел взгляда. В этом он был похож на дядю, и я подумала, что в этом доме все смотрят прямо, и от этого так трудно врать.

— Здравствуй, — сказала я. — Меня зовут Ливея. Я теперь здесь хозяйка. А тебя как зовут?

— Эль, — сказал он.

Я кивнула. За моей спиной Дарвен не двинулся и не сказал ни слова. Но я слышала его дыхание. Ровное, тяжелое, как у человека, который очень долго нес что-то тяжелое и теперь не знает, куда это положить.

Под браслетом кожа была спокойна. Впервые за день — спокойна.

Мальчик смотрел на меня так, будто взвешивал. Не меня — каждое слово, которое я скажу. Я знала этот взгляд. Так смотрят дети, которых уже предавали взрослые. Я сама так смотрела, когда мать отвернулась в зале совета и подписала договор без меня.

Я не стала торопить его с ответом. Вместо этого поднялась, осмотрела комнату — маленькую, но чистую. Кровать застелена серым сукном, на столе миска с кашей, под лавкой аккуратно сложены сапожки. На полке у стены — кукла из тряпки, без лица, и деревянный конек с обломанным ухом. Игрушки мальчика, который не выходит за порог. Я обвела взглядом стены и нашла то, что искала: на гвозде у двери висела записка, придавленная камешком. Я сняла ее, развернула и прочла.

«Мира Нотт была здесь. Смотрела. Не спрашивай почему. Б.» — почерк ровный, мелкий. Бранн. Значит, управитель знал. И предупреждал.

Я сложила записку и спрятала под браслет. Эль проводил мою руку взглядом, но ничего не сказал. Умный мальчик. Здесь все умные, и от этого в доме так трудно дышать.

— Эль, — сказала я, присаживаясь обратно на корточки. — У тебя есть постель. У тебя есть еда. У тебя есть лечебные травы, которые я чувствую даже от двери. Значит, кто-то о тебе заботится. Но ты сидишь тут один, за закрытой дверью, и у двери стоит замок. Замок не для гостей. Замок для пленников.

Он сжал губы. Я видела, как под кожей на скулах заиграли желваки.

— Я не пленник, — сказал он тихо. — Я мертвый для всех, кроме дяди.

— Для совета?

— Для всех.

Я посмотрела на Дарвена через плечо. Он стоял у порога, и его лицо было таким, будто из него вынули кости. Не злость — пустота. Я видела такую пустоту у отца после подписания договора.

— Кто тебя сжег? — спросила я мальчика.

— Совет, — ответил Дарвен за него. — Когда узнали, что я дал ему боевую печать.

Я медленно выдохнула. Значит, не слух. Не сплетня. Эту печать он носил открыто, и совет наказал ребенка за то, что дядя назвал его своим. За брата по печати. За мальчика, который не выбирал, кем ему быть.

— Эль, — сказала я. — Сейчас я уйду. Завтра я принесу тебе чай и нормальный ужин. И ключ от этой комнаты будет у тебя, а не только у твоего дяди. Ты меня слышишь?

Он кивнул. Глаза блестели, но он не плакал. В этом он снова был похож на Дарвена.

Я встала, отряхнула колени и вышла. Дарвен вышел следом, и мы снова пошли молча. На середине коридора я остановилась.

— Договор, — сказала я, не поворачиваясь. — Тот, что подписал мой отец. Там есть пункт о мальчиках рода?

— Есть, — ответил он. — Эль подходит под статью о сиротах, принятых в род.

— Тогда он не пленник. Он гость дома. А гостю не сидеть за замком.

Он промолчал. Я чувствовала его спиной — тяжелый взгляд, ровное дыхание. Под браслетом было спокойно, но не потому, что он мне не врал. А потому, что в эту секунду я впервые не лгала ему сама. Я не обещала защитить Эля. Я обещала принести чай. Это я могла сделать. И это я сделаю.

У двери в хозяйское крыло я остановилась.

— Ключ от этой комнаты, — сказала я. — Завтра утром. Иначе я войду через совет.

Ключ от Эля я положила не на каминную полку. Под браслет. Там, где раньше был только синяк от его лжи. Теперь у меня на запястье жили две вещи: чужой грех и чужой ребенок. Я села на кровать, не зажигая свечи, и достала свою тетрадь. Та самая, с двойной бухтой, которую мне сунул Бранн утром. Я раскрыла ее на чистой странице и вывела: «Эль. Ожог. Печать боевая, не родовая. Кто наносил — совет. Кто лечил — Бранн. Кто прятал — Дарвен».

Под этой строкой я добавила: «Ключ у меня. Завтра внесу в реестр как воспитанника лечебницы».

Слово «воспитанник» я вывела жирно, потому что в договоре Роннов оно означало: ребенок на содержании дома, и дом за него отвечает перед короной. Не сирота приживала, не племянник без имени. Воспитанник. Это давало мне право вписать его в хозяйственную книгу, а это значило — уголь, мука, жгут и соль на него пойдут отдельной строкой. Отдельной строкой его больше не спрячешь.

За стеной кто-то ходил. Я слышала тяжелые шаги по каменным плитам, и по ритму поняла — Дарвен. Он ходил так, будто не знал, куда поставить ноги. Я подумала: интересно, он всегда так ходит, когда врет себе, или только сегодня.

Кейра пришла на зов тихо, с полотенцем и кувшином теплой воды. Она увидела мою тетрадь и остановилась. Я не стала ее закрывать.

— Садись, — сказала я. — У меня к тебе дело.

Она села на край лавки, сложив руки на коленях. Я заметила, что пальцы у нее сбиты в кровь — стирала чужое белье, и чужое здесь было не мое.

— В замке есть ребенок, — сказала я. — Мальчик лет десяти. В восточном крыле.

Кейра вздрогнула. Не сильно. Так, что я бы не заметила, если бы не смотрела на ее руки. Пальцы сжались, потом разжались. Она знала.

— Ты его видела? — спросила я.

— Нет, — сказала она быстро. Слишком быстро.

— Кейра. Ты его видела?

Она закрыла глаза. Потом открыла.

— Мне запретили, госпожа. Тивер запретил. Сказал, если кто зайдет в то крыло без подписи — уедет назад в Ронн.

Я поставила локоть на тетрадь и подперла щеку кулаком. Вот как. Значит, дядя Дарвена знал о мальчике и запретил к нему ходить. Значит, совет, который судил Дарвена за измену, сам прятал улику. Прятал от кого? От короны, от меня, от собственного лорда.

— Тивер давно в замке? — спросила я.

— С осени. Сразу после того, как Ирса Ланн написала в столицу, что лорд Дарвен нездоров умом.

Я медленно выдохнула. Значит, вот откуда ноги росли. Не совет поймал изменника. Совет приехал по письму бывшей невесты, которая до сих пор жила в западном крыле и до сих пор пахла чужими духами в коридоре.

Я встала и подошла к двери. Приоткрыла на ладонь. В коридоре было пусто, но на полу у порога лежала свежая соломинка. Значит, кто-то стоял у двери, пока мы говорили с Кейрой, и ушел. Я подняла соломинку, понюхала. Сено, конюшня и слабый запах дорогого табака. Не Дарвен. Дарвен курил черный, как горелая кость. Этот был сладкий, вишневый.

— Кейра, — сказала я не оборачиваясь. — Табак в замке кто курит?

Она помолчала. Потом ответила тихо:

— Тивер Ашт.

Я закрыла дверь и задвинула засов. Потом вернулась к столу, открыла тетрадь на новой строке и вывела: «Тивер стоял у двери. Слышал про Эля. Теперь знает, что я знаю про Эля. Завтра он сделает ход первый».

Под строкой я дописала: «Вечером проверить замок на восточную дверь. Ключ под браслетом, не на полке. И второе — поговорить с Бранном. Он мне должен записку, а я ему — молчание».

Кейра все еще сидела на лавке, и я видела, как она кусает губу. Она понимала, что я сейчас вписала ее в свою тетрадь как свидетеля. Что завтра дядя Дарвена спросит, о чем мы говорили. И что если она соврет ему — у меня будет лишний повод отозвать ее в Ронн, а если скажет правду — он поймет, что я знаю про его табак и его письмо в столицу.

— Иди спать, Кейра, — сказала я. — Завтра с утра на кухне. Я буду пересчитывать муку и уголь, и мне нужны твои руки, а не твой страх.

Она встала, поклонилась и вышла. Я слышала, как ее шаги стихают в коридоре — легкие, торопливые. Свои. Не его.

Под браслетом было тихо. Совсем тихо. Но теперь я знала цену этой тишины: это не мир, это перерыв перед тем, как кто-то из нас двоих снова соврет о простой вещи. О ребенке. О ключе. О том, кто на самом деле сжег мальчику плечо.

Он достал из кармана маленький медный ключ и протянул мне на ладони. Я взяла его и тут же отдала Элю, который стоял за нами на цыпочках. Мальчик сжал ключ обеими руками и спрятал за пазуху.

Дарвен смотрел на меня так, будто видел впервые. Я не выдержала его взгляд, отвернулась и пошла к себе. В коридоре пахло холодным камнем и дымом его сигареты. Завтра я начну считать его уголь заново — потому что теперь в доме есть еще один рот, о котором я буду знать.

Под браслетом было тихо. Но я уже знала: эта тишина — не конец. Это только пауза перед тем, что он мне не сказал.

Глава 4. Печать на ладони

Утро пришло с гарью. Печка в лечебной трещала так, словно грызла собственные дрова. Я подвинула лавку к столу, положила чистую тряпицу в миску с отваром коры и зверобоя и только тогда посмотрела Элю в плечо.

Угольная копия печати Ашт, нарисованная поверх старого ожога, отливала синевой, будто ее подновляли вчера. Под ней кожа стянулась в глянцевою корку, и если нажать, из-под корки выступала мутная сукровица.

— Это она, — выдохнул Эль, не поднимая головы. — Мира.

— Когда была?

— Утром. Сторож впустил по записке Тивера.

Я стянула перчатки. Пальцы дрожали — от холода, не от страха. За дверью потянуло вишневым табаком. Тивер не уходил из замка, он курил под лестницей и ждал, что я испугаюсь и уйду.

— Тихо, — сказала я и положила ладонь Элю на здоровое плечо. — Будет жечь, но недолго.

Я взяла медную миску и начала смывать угольную копию. Под ней ожог оказался глубже, чем я думала: кожа лопнула и засохла, а под ней, как под панцирем, скопилось тепло. Мира Нотт работала грубо, рваные края бинтов выдавали руку, которой не привыкли лечить, а лишь отмечать визит. Она не лечила, она делала так, чтобы совет мог сказать «мальчик слаб, его надо убрать из дома».

Дверь скрипнула. В лечебную вошел Дарвен. От него пахло железом, холодным потом и чужим — розовым маслом Ирсы Ланн. Печать под моим браслетом кольнула, и я не отдернула руку.

— Тивер привез письмо от Ирсы, — сказал он, не глядя на меня. — Она пишет, что мальчик болен и его надо отдать под опеку короны.

— Кто у мальчика был?

— Мира. Смотрела ожог, считала пульс, записала цвет кожи. Сказала, что мальчик слаб и его надо везти в столичную лечебницу для призрения сирот.

— А ты?

— Я сказал, что мальчик дома.

Я промокнула ожог чистой тряпкой. Эль дернулся, но смолчал. Мне нужно было понять, почему у него поднялась температура. Жар шел от ожога, а не от простуды, я пощупала лоб, шею. Горячий, как утренняя печка.

— У него лихорадка, — сказала я вслух, чтобы и Дарвен слышал. — Кто-то втер ему под ожог мазь, от которой поднимается жар. Кто, кроме Миры, мог сюда войти?

Дарвен промолчал. Печать кольнула снова, сильнее, под самое ребро. Тогда я посмотрела ему в лицо.

— Если ты знаешь, что это сделала твоя мать, скажи сейчас. Мне нужно лечить мальчика, а не играть в твои тайны.

Он не ответил. Я выпрямилась, сняла браслет с запястья и положила его на стол рядом с миской. Браслет дрогнул, синеватая искра пробежала по металлу и ушла в дерево. Печать рода Ашт, та самая, что связывает мужа и жену на ложь, впилась в стол, как в живое, и по рукам у меня прошелся холод, а потом жар, такой, словно кто-то окунул кисти в кипятки. Дарвен дернулся. Я увидела, как его скулы свело судорогой, как он стиснул зубы, чтобы не застонать.

— Это не мать, — выдавил он. — Это Тивер.

Я взяла тряпку и промокнула Элю лоб. Печать пульсировала ровно, потому что он сказал правду.

— Тогда мы оба в его руках, — ответила я.

Эль приподнялся на локте и посмотрел на меня так, будто впервые увидел человека, а не ту женщину, которую привезли, чтобы закрыть чужой позор. Я подвинула ему кружку с отваром, он выпил. На кружке остался след от его губ, серый, с привкусом золы. Утром я вымою кружку, вечером впишу в свою тетрадь: «Мира Нотт втерла ожоговую мазь, вызвала жар, совет получил повод сказать, что мальчик не жилец. Тивер знал. Дарвен узнал только сейчас».

Я натянула браслет обратно. Холод металла обжег кожу, и печать на миг замерла, выжидая, что я сойду первой. Я не соврала.

Когда я застегнула браслет, в горле пересохло. Я потянулась к кувшину с водой у стены. Пальцы дрожали уже по-настоящему, не от холода, а от того, что я только что вынула правду из человека, который привык лгать вполоборота. Дарвен стоял у двери, и я впервые видела, как он держится за косяк. Костяшки побелели.

Эль перевел взгляд с меня на дядю и обратно. Мальчик понимал больше, чем ему было позволено знать в его возрасте, и от этого его худые плечи под тонкой рубашкой казались еще уже.

— Это правда, что ты меня вписала? — спросил он тихо.

— Утром внесу по форме, — ответила я. — А сейчас пей.

Он выпил отвар до дна. Я забрала кружку, поставила на край стола и заметила, что угольная копия печати на его плече расплылась от пота и стала похожа на размытую тень. Под ней кожа дышала жаром. Тивер знал, что делал, когда отправлял Миру к ребенку. Совету нужен был не мальчик, а повод сказать «род Ашт не способен содержать сироту, передайте землю опекуну». Мира дала им этот повод: мальчик слаб, мальчик болен, мальчик не жилец.

Дарвен отлепился от косяка. Шагнул к столу, и я поймала себя на том, что отступаю, не от страха, а от запаха. Розовое масло Ирсы Ланн смешалось с его потом и холодным железом, и от этого сочетания меня мутило. Печать под браслетом снова кольнула, но я перехватила его взгляд и не отвела глаз.

— Если твой дядя думает, что мальчик не доживет до совета, — сказала я ровно, — то он плохо знает, как я лечу ожоги.

Дарвен остановился. В лечебной было тесно: стол с Элем, лавка, медная миска, браслет на краю, я между ними. Он смотрел на меня так, словно впервые видел не бумагу из договора, а человека, который будет спорить с его родом за чужого ребенка. Я выдержала его взгляд, потому что печать ждала, кто из нас дрогнет первым.

— Я не думаю, — ответил он. — Я знаю, что Тивер ждет этого к вечеру. Поэтому Миру он и привез.

— Мира нам больше не войдет. Я запишу в тетрадь: осмотр посторонней знахарки без подписи хозяйки, считать недействительным. Бранн подтвердит. Сторм подтвердит. Кейра подтвердит.

Дарвен смотрел на мои руки, на тонкие запястья, на браслет, на пальцы, испачканные отваром и золой. Потом опустил взгляд на Эля, и в его лице впервые мелькнуло что-то, кроме досады. Не нежность, до нее было далеко. Страх. Обычный мужской страх за мальчишку, который ночует в запертой комнате, пока совет решает, жив он или нет.

— Бинты где? — спросил он.

— В корзине у двери. Чистые сверху, грязные снизу. Не перепутай.

Он подошел к корзине, взял чистый моток и вернулся к столу. Я уступила ему место у Эля и сама отошла к лавке, чтобы не мешать. Дарвен бинтовал плечо мальчика неумело, но осторожно. Эль терпел молча, со сжатыми губами. Я смотрела, как мужчина перевязывает племянника, и думала о том, что цена чужой вины измеряется не землями и не печатями, а вот этими грязными бинтами, которые он учится держать ровно.

Дарвен закрепил повязку, выпрямился и посмотрел на меня через стол.

— Совет соберется после полудня, — сказал он. — Тивер отправил гонца на рассвете. Если они уедут с мальчиком, обратно он не вернется. Лечебница для таких, как он, это место, откуда выходят только в гробу.

— Тогда я внесу его в реестр сегодня. Пока Тивер собирается. Дай мне час.

Я села за стол, открыла тетрадь и начала писать. Почерк у меня был четкий, бухгалтерский. «Эль, племянник лорда Ашт, принят воспитанником лечебницы при замке Ашт по праву хозяйки дома Ливеи Ронн. Основание: статья договора о сиротах, принятых в род, и нужда в постоянном уходе после ожогов». Подпись, дата, печать моего перстня.

Дарвен стоял надо мной и смотрел, как я вывожу буквы.

— Зачем тебе это? — спросил он тихо.

Я не подняла головы.

— Потому что завтра мне нужен живой замок, а не пепелище.

За стеной снова щелкнула трубка. Табак докурили, но шагов не было. Тивер Ашт ждал, когда я испугаюсь и уйду. Я не ушла. Я дописала строку, посыпала чернила песком и протянула тетрадь Дарвену.

— Подпиши как лорд, — сказала я. — И пусть Кейра снесет Бранну. Через час мальчик будет числиться за мной, а не за советом.

Он взял тетрадь, и его пальцы дрогнули. Не от печати, от того, что впервые за долгое время кто-то предлагал ему не приказ, а работу рядом.

— Где твоя печать? — спросила я.

Он молча расстегнул ворот рубашки и вытащил на шнурке медный оттиск с драконьей чешуей. Печать была холодной, без привычного жара, потому что он впервые за месяцы не легал о мальчике. Я подставила ему чернильницу, и он поставил оттиск под моей подписью.

Когда мы оба выпрямились, Эль уже спал, уткнувшись лбом в край стола. Его дыхание было ровным, и я поверила, что он доживет до вечера.

Я сложила тетрадь, сунула в карман передника и пошла к двери. На пороге остановилась.

— Ужин в малой столовой, — сказала я. — На троих. И без розового масла.

Дарвен не ответил, но я услышала, как он тихо выдохнул за моей спиной. Это было почти согласие.

Утром я стояла у двери в лечебную с миской горячей воды в руках и слушала, как за стеной кто-то чиркает спичкой. Вишневый табак уже не пах, Тивер докурил и ушел, но зола в трубке еще тлела, и от этого воздух был кислый, будто в комнате остывал чужой гнев. Я толкнула дверь плечом и вошла, прижимая миску к груди, чтобы не расплескать.

Эль сидел на кровати, свесив ноги. Повязка сползла, и ожог снова был виден, красный, тянущийся от лопатки к шее. Угольная копия печати расплылась от пота, и под ней кожа дышала жаром. Мальчик посмотрел на меня так, словно ждал разрешения дышать. Я поставила миску на табурет, отжала чистую тряпицу и села рядом.

— Снимай рубашку, — сказала я. — Будем учиться менять повязку самому.

Он стянул ткань через голову и замер, глядя в стену. Не от стыда, от привычки прятать то, что совет считал позором. Я промокнула край ожога, и он втянул воздух сквозь зубы.

— Больно.

— Будет. Терпи. Завтра будет легче.

Я развернула чистый моток, отрезала ладонь бинта и начала накладывать повязку так, чтобы она держалась без узла. Руки помнили эту работу с десяти лет, когда мать зашивала мне рассеченный лоб после падения с лошади. Та же точность, та же сухость в горле, только теперь под руками был чужой ребенок.

Эль вдруг спросил:

— Ты правда вписала меня вчера?

— Правда. Сегодня внесу по форме, чтобы Бранн поставил отметку.

Он опустил глаза. Я видела, как дрогнули его пальцы на коленях, от того, что впервые за долгое время кто-то назвал его не сиротой и не укором роду, а мальчиком, которого надо перевязать к обеду.

— Если дядя не подпишет, — выдавил он, — Тивер заберет меня в столицу. Там лечебница для таких, как я.

Я остановилась. Пальцы замерли на бинте.

— Кто тебе сказал?

— Мира. Она приходила утром, смотрела.

Я медленно положила бинт в миску. Мира Нотт уже была здесь, и Бранн оставил записку на гвозде, чтобы я знала. Совет торопился. Они хотели убрать мальчика до того, как я успею вписать его в реестр, и тогда статья договора о сиротах переставала работать.

Я дописала повязку, закрепила край полоской ткани и посмотрела Элю в глаза.

— Слушай меня. Сегодня к полудню в реестре лечебницы появится запись: Эль, племянник лорда Ашт, принят воспитанником по праву хозяйки дома. Подпись моя, подпись лорда, печать Бранна. После этого ни Тивер, ни корона не заберут тебя без моего слова. Ты понял?

Он кивнул, но губы у него все еще были сжаты. Тогда я достала из кармана передника огрызок карандаша и клочок бумаги.

— Напиши свое имя. Полностью. Покажи, что умеешь.

Он вывел буквы криво, но разборчиво. Я сложила бумагу и убрала в карман.

— Это твоя подпись. Будешь учиться у меня в лечебнице, пока ожог не затянется. Потом пойдешь к Бранну в счетную книгу, он давно просил помощника. Идет?

— Идет, — выдохнул он.

В коридоре послышались шаги. Тяжелые, мужские, с тем особым звуком каблука по камню, который ни с чем не спутаешь. Я подняла голову. Дарвен остановился в дверях, и я впервые увидела его утром без мундира, в расстегнутой рубашке, с влажными волосами после умывания. От него пахло холодной водой и дымом, но не розовым маслом, и от этого я выдохнула, сама того не замечая.

Он смотрел на Эля, на свежую повязку, на мои руки в воде с разводами зелени. Потом перевел взгляд на меня, и я поймала в его глазах что-то, что не могла назвать сразу: не благодарность, но и не подозрение. Скорее удивление человека, который привык, что за его спиной только долг, а тут на лавке сидит женщина с мокрым бинтом в руках и спокойно учит его племянника писать.

— Ты обещала ужин, — сказал он. — Я пришел спросить, во сколько.

Печать под браслетом дрогнула. Не от лжи, от того, что впервые он спросил, а не приказал.

— В седьмом часу. В малой столовой. На троих.

Я не стала добавлять «без розового масла». Он и так это понял.

Дарвен не ушел сразу. Он стоял в дверях, и я видела, как он смотрит на руки Эля, на пальцы, которые минуту назад выводили кривое имя на клочке бумаги. Потом перевел взгляд на меня, и я поймала в его глазах вопрос, который он не решался задать при мальчике.

— Выйди, — сказала я Элю тихо. — Принеси воды из колодца, только не холодной, дай ей отстояться в кувшине.

Эль послушно сполз с кровати, натянул рубашку и шмыгнул мимо дяди в коридор. Его шаги были легкие, почти невесомые, и я подумала, что он впервые за неделю двигается без страха. Дверь осталась приоткрытой, я не стала ее закрывать, чтобы не давать Тиверу нового повода говорить о том, что я запираюсь с его племянником.

Дарвен шагнул внутрь и остановился у окна. Свет падал ему на лицо, и я разглядела, что под глазами у него синева, какая бывает у людей, которые не спали две ночи подряд. Печать на

его груди, видимая в расстегнутом вороте, была спокойной, медный оттиск лежал на коже без привычного жара. Это значило, что сейчас он не лгал, и от этого в груди у меня стало тесно.

— Мира была здесь утром, — сказала я. — Бранн оставил записку.

— Знаю. Она пришла по приказу Тивера.

— Совет выезжает на рассвете. Тивер хочет увезти Эля с собой. Если они уедут с ним, обратно он не вернется.

— У меня есть твоя подпись. Вчера. На тетради. — Я достала из кармана сложенный лист и показала ему оттиск. — Вот. Эль, племянник лорда Ашт, принят воспитанником лечебницы по праву хозяйки дома. Подпись лорда стоит. Подпись хозяйки стоит. Бранну останется только поставить число и печатку.

Дарвен смотрел на лист, и я видела, как дрогнуло его лицо. Не улыбка, тень удивления, которая быстро ушла, сменившись чем-то жестким и решительным. Он протянул руку, взял лист у меня и перечитал вслух, беззвучно шевеля губами. Потом аккуратно вернул.

— Иди к Бранну, — сказал он. — Я задержу Тивера. Скажу ему, что у мальчика жар и его нельзя трогать до осмотра хозяйки. Это даст тебе час.

Я сунула лист обратно в карман и поднялась. Миска с водой осталась на табурете, бинты лежали свернутые, и комната пахла лечебной зеленью и тем особым теплом, какое бывает только там, где кому-то стало легче дышать.

— Дарвен, — сказала я у двери.

Он обернулся.

— Если ты снова соврешь мне про этого мальчика, я уведу его сама. В Ронны. Под защиту моего рода. И ты больше никогда его не увидишь.

Он не ответил. Только кивнул, и в этом кивке было больше правды, чем во всех его словах за два дня.

Я вышла в коридор, прижала тетрадь к груди и пошла к лестнице. Ступени скрипели под ногами, и я считала их, чтобы не думать о том, что у меня есть ровно час, чтобы сломать чужой план и поставить свою печать поверх чужой.

Я шла по коридору к счетной комнате Бранна, и ступени под ногами звучали громче обычного. Дерево здесь было старое, почерневшее от времени, и каждый шаг отдавался в груди, как удар маленького молотка. Тетрадь я прижимала к себе обеими руками, и сквозь ткань рубашки чувствовала тепло бумаги, на которой стояла подпись мужа.

Бранн сидел за столом у окна, спиной к двери, и считал что-то на счетах, медленно передвигая костяшки. Я остановилась на пороге и кашлянула. Он обернулся без удивления, как будто ждал.

— Госпожа.

— У меня документ. Внести в реестр. Сейчас.

Он отложил счета и посмотрел на меня поверх очков, которые сидели у него на кончике носа.

— Какой реестр?

— Воспитанников лечебницы. Эль, племянник лорда Ашт. Принят по праву хозяйки дома. Подпись лорда и моя стоят. Поставьте число и печатку.

Бранн медленно снял очки и протер их платком. Потом положил на стол и посмотрел на тетрадь у меня в руках.

— Госпожа, совет Тивера уезжает с мальчиком. Если я внесу его в реестр без ведома дяди лорда, у меня будут неприятности.

— У вас будут неприятности, если вы не внесете. Потому что мальчик останется в этом доме как воспитанник, и никакой совет его не увезет. А если уедет, я поеду следом и верну его по решению палаты о сиротах, принятых в род. У Роннов такие же права, как у Аштов, не хуже.

Он помолчал, и я видела, как дрогнули его пальцы. Потом кивнул и протянул руку.

Я развернула тетрадь на его столе, придавив углы чернильницей и медной печаткой. Бранн взял перо, обмакнул в чернила и медленно вывел дату. Потом взял печатку, подышал на нее и прижал к бумаге. Оттиск лег криво, но четко, и я выдохнула.

— Госпожа, — сказал Бранн, не поднимая глаз, — советник королевский будет здесь после полудня. Тивер отправил гонца на рассвете. Вам нужно знать.

Я сложила тетрадь и спрятала обратно за пазуху, к самому телу, где она была теплой и надежной.

— Знаю. Передайте ему, что хозяйка дома примет его в малой столовой, как подобает гостю короны. Чай будет в седьмом часу.

Я вышла, не оглядываясь.

У лестницы пахло холодным железом и мокрой шерстью. Я остановилась, пересчитала ступеньки, переложила тетрадь ближе к боку и прижала локоть к ребрам, чтобы не хлопнуть дверью. Из кухни тянуло подгоревшим луком. Из кладовой сырой крупой и солью. Значит, Ронна уже грела сковороду и считала, кому сколько на ужин. Значит, у меня есть сорок минут, а не час.

Я поднялась на площадку второго этажа и замерла.

У двери в спальню стояла Кейра. Не с подносом. С саквояжем. Тем самым, который я видела утром в коридоре у комнаты мужа. Она держала его обеими руками, как держат чужого ребенка, крепко, чтобы не уронить, и немного боком, чтобы не привыкнуть.

— Хозяйка, — сказала она тихо, как заклинание, которое нужно произнести правильно с первого раза. — Мне велено передать.

Я посмотрела на саквояж. На ее побелевшие костяшки. На шов, которым была зашита кожа сбоку, грубый, хозяйский, явно не женский.

— Кто велел?

— Мать Дарвена Ашта. Она в монастыре Святой Мары. Но она написала.

Я взяла саквояж из ее рук. Он был тяжелее, чем выглядел, и пах лавандой, пчелиным воском и застарелой тревогой. Так пахнут вещи, которые перекладывают из рук в руки и не открывают.

— Поставь. Иди к Ронне, скажи: два чайника, чистая скатерть в большой зал. Четыре прибора. Чай будет в седьмом часу. Если спросит, для кого, для королевского советника.

Кейра кивнула, не уточняя, откуда я знаю, что советник придет к семи. Ее научили не уточнять. Это было видно по тому, как она переставляла ноги, мягко, по-служительски, чтобы не мешать тем, кто платит.

Я дождалась, пока шаги стихнут, и отнесла саквояж в свою комнату. Щелкнула щеколда. Свеча на столе давала мало света, но мне хватило.

В саквояже лежали: запечатанное письмо с выцветшей сургучной печатью Ашт, лента, которой перевязывали что-то круглое и тяжелое, металл, не ткань, чистая рубашка Дарвена, сложенная так, как складывают мужскую рубашку в дорогу, сгибом к сгибу, пуговицами вниз, и маленькая берестяная коробочка с моим именем, написанным незнакомой рукой.

Я вскрыла письмо. Бумага была тонкая, дорогая, с водяным знаком Ашт, тот же цветок, что на медной пластине в двери восточного крыла. Почерк ровный, без наклона, с длинными хвостами у «д» и «у». Рука, привыкшая подписывать приговоры, а не счета.

«Если ты читаешь это в доме моего сына, значит, я ошиблась. Я думала, что отдала его той, которая выдержит. Я ошиблась дважды, один раз, когда выбрала ему первую жену, и второй раз, когда молчала. Эту коробочку не открывай до брачной ночи. Если ночи не будет, сожги вместе с лентой и не ищи в ней того, что тебе обещали. Я не обещала тебе ничего. Я только просила его быть честным хотя бы раз в жизни. Мать Дарвена Ашта».

Я положила письмо на стол и посмотрела на коробочку. Береста была теплая, как будто кто-то держал ее в руках недавно. Шнурок завязан узлом, который я знала, «замок матери», им перевязывают детские кроватки в предгорье, чтобы ребенка не сглазили.

Я не стала открывать. Положила коробочку обратно, перевязала саквояж шнуром и спрятала под кровать, к сундучку, где уже лежала тетрадь Ирсы. Две вещи, которые могли спасти или убить этот дом, лежали теперь рядом, как сестры, которые не выбирали себе родство.

За стеной послышались шаги. Тяжелые, неровные, с той характерной задержкой на третьем шаге, когда человек привык подволакивать правую ногу после ранения. Дарвен. Он остановился у моей двери. Не постучал. Не вошел. Просто встал, и я слышала, как он переложил вес с одной ноги на другую, и как скрипнула кожа пояса.

— Ливея, — сказал он в дерево. — Кейра сказала про саквояж.

— Я знаю. От твоей матери.

Молчание. Длинное, в три вдоха.

— Она написала тебе?

— Она написала мне. И положила в саквояж твою рубашку, сложенную в дорогу.

Он молчал. Я представила, как он стоит, положив ладонь на дверной косяк, и смотрит в пол, потому что смотреть в мою сторону он себе пока не разрешает.

— Там есть коробочка, — сказала я. — С моим именем. Велено не открывать до брачной ночи.

Шаги. Один шаг назад. Потом снова вперед.

— Не открывай, — сказал он глухо. — Она не умеет просить прощения. Она умеет ставить условия.

— Я знаю. Я дочь своего отца.

Снова тишина. Потом звук, которого я не ожидала. Скрип лавки у стены. Он сел. Спиной к моей двери. Я слышала, как он выдохнул, и в этом выдохе было что-то, что жгло мне горло.

Я села на пол по эту сторону двери. Положила ладонь на дерево. Не постучала. Просто держала руку там, где, как я думала, должна была быть его спина.

— Советник приедет к семи, — сказала я. — Мне нужен чистый лист и твоя подпись под показаниями. Не завтра. Сейчас.

— Где?

— В кабинете. Бранн принесет обе книги. Я хочу видеть его лицо, когда он будет подписывать смету на воспитанника лечебницы.

Он встал. Я слышала, как он встал, как оперся рукой о стену, как сделал первый шаг к лестнице.

— Ливея.

— Да.

— Рубашка. Она всегда клала рубашку, когда ждала меня домой.

Я не ответила. Он и не ждал ответа. Его шаги стали удаляться, ровные, тяжелые, с той задержкой на третьем шаге, к которой я начинала привыкать.

Я встала, отряхнула юбку и достала из-под кровати тетрадь Ирсы. Положила рядом с чернильницей. Потом достала саквояж, вынула письмо и положила поверх тетради. Три слоя бумаги: показания против совета, вторая книга дома, приговор матери.

За дверью скрипнула лестница. Я зажгла вторую свечу и пошла к кабинету.

Глава 5. Сломанная дверь

Засов встал в петли с третьего удара. Я прижала плечом створку, чтобы дерево не ходило ходуном, и вытащила из-за пояса гвоздь. Петля была старая, ржавая по шляпке, с протертой дырой в косяке — дверь держалась на честном слове с лета, и любой сильный толчок вынес бы ее вместе с куском стены. Поэтому я и пришла сюда до завтрака, пока коридор пуст и пока никто не видит, чем занята новая хозяйка в чужом доме на рассвете.

Я вбила гвоздь в разошедшуюся колоду, подделала ломиком створку, чтобы она села плотнее, и повесила на крюк у косяка моток свежего жгута. Ключ от восточного крыла лежал у меня в кармане, а Эль, как обещал, уже сидел за дверью на своей кровати, в одной рубашке, и смотрел, как я работаю, не подходя ближе. На плече у него подсыхала угольная копия боевой печати — поверх старого ожога, который я перевязала вчера вечером. Бинт я сменила сразу, как только переступила порог. Мальчик не плакал, только крепче сжал край одеяла, когда я затянула узел. Хороший мальчик. Тихий.

Дверь я подперла изнутри найденной в чулане доской, чтобы Тивер не вошел, даже если у него есть свой ключ. Потом достала из-за пазухи сложенный вчетверо лист — записку Бранна, которую он оставил на гвозде у кладовой. В записке указывалась вторая книга прихода, спрятанная за мукой. И там же, между строк про уголь и жгут, был аккуратный столбик цифр: расход угля четыре меры в седмицу, по указу — три. Разница уходила в восточное крыло. Ровно на одну комнату. Ровно на ту, где сейчас сидит Эль и смотрит, как я работаю.

— Тетя, — тихо сказал он. — Дядя не велел мне выходить.

— Я знаю, — ответила я, не оборачиваясь. — Поэтому дверь будет закрыта. Ты сидишь тут, я — снаружи.

— А совет?

— Совета пока нет.

Это была почти правда. Совет Тивера выезжал из столицы по письму Ирсы Ланн о нездоровье Дарвена, и до завтрашнего вечера его в замке не будет. Я выиграла себе одни сутки, и за эти сутки мне нужно было сделать три вещи: спрятать записку так, чтобы ни Кейра, ни Бранн, ни тем более Ирса Ланн до нее не добрались; починить дверь, чтобы никто не вошел; и показать Элю, что в этом доме у него есть хоть одна взрослая, которая не боится.

Я убрала записку обратно за пазуху и вышла, заперев замок на оборот. Ключ вернула Элю в ладонь — узкую, с чернильным пятном на большом пальце. Он спрятал ключ под подушку и посмотрел на меня так, будто я только что вернула ему что-то важнее замка.

— Спасибо, тетя.

— Спи, — сказала я. — Завтра принесу тебе чай и новый бинт.

Я спустилась по черной лестнице, чтобы не идти мимо кухни. В коридоре у западного крыла пахло розовым маслом и остывшими духами — Ирса Ланн уже встала и, судя по звукам за дверью, причесывалась. Я прижала записку к груди под корсетом и пошла к себе, считая шаги. Кейра сидела в моей комнате на табурете, перебирая бинты, и подняла голову, когда я вошла. Браслет под рукавом качнулся — пустой, холодный, никакой лжи рядом. Просто испуганная девочка, которая боится сказать лишнее.

— Ливея, — прошептала она. — Тивер прислал гонца. Он будет к вечеру.

— Я знаю, — сказала я и села за стол. — Дай мне бумаги. Я буду писать отчет о кладовой.

— Зачем?

— Затем, что к его приезду у меня будет готовый документ, который он не сможет выбросить. А теперь выйди. Мне нужно сосредоточиться.

Кейра вышла, притворив дверь. Я развернула перед собой тетрадь, достала из ларца матери кованный карандаш и начала писать. Столбик за столбиком: уголь, мука, жгут, лечеб-

ные травы, свечи. Напротив расхода угля по указу я поставила красную пометку — лишняя мера. Напротив восточного крыла — пустая строка, потому что никакого восточного крыла в хозяйственных книгах Ашт не существовало. Зато существовал лишний уголь, лишний жгут и мальчик, который ел, спал и дышал на казенные деньги.

Я дописала страницу, промокнула чернила и сложила тетрадь пополам. Вложила записку Бранна между страницами с расходами, перевязала тетрадь тесьмой и убрала в ларец под белье. Ключ от ларца — на шею, под рубашку. Ключ от восточного крыла — у Эля. Записка — у меня. К утру совет Тивера въедет в ворота, и у него в руках будет только его собственное письмо Ирсы Ланн. У меня к этому часу будет готовый документ с подписью, датой и печатью хозяйки. И печать эта будет стоять ему дороже, чем он думал.

Я задула свечу и легла, не раздеваясь. Браслет под рукавом медленно теплел — не от лжи, а от тишины. В этой тишине впервые было что-то мое.

Утро пришло серое, без обещания тепла. Я проснулась от того, что браслет под рукавом дрогнул — не от лжи, а от чужого шага за дверью. Шаги прошли мимо, тяжелые, с придворным шорохом подошв по камню. Сторм, поняла я. Он всегда ходит так, будто несет на плечах чужой приказ, и каблуки у него стоптаны на внешней стороне.

Я встала, не умываясь, и первым делом достала из-под белья ларец. Тетрадь лежала на месте, тесьма не сбита, ключ на шее холодил ключицу. Записка Бранна оставалась между страницами расхода. Я развязала тесьму, развернула тетрадь на столе и перечитала собственный столбик. Четыре меры угля в седмицу. По указу — три. Лишняя мера уходила ровно на одну комнату — ту, где ночью сидел Эль, завернувшись в одеяло, и сжимал под подушкой ключ, который я отдала ему из рук дяди.

Кейра постучала тихо, почти виновато.

— Ливея, там Бранн у поварни. Говорит, приехал кто-то из совета раньше срока.

Я закрыла тетрадь, сунула в ларец и заперла. Ключ — обратно на шею.

— Какой совет? Я думала, к вечеру.

— Гонец прискакал на заре. Тивер будет к обеду. С ним кто-то из столицы.

Кто-то из столицы — это мог быть только королевский советник, тот самый, что подписывал обвинение Дарвена в измене. Я знала его почерк по письму палаты, которое мать спрята- тала в моем саквояже. Почерк был сухой, с прыгающей буквой «д», и без подписи казначея.

— Кейра, — сказала я, натягивая платье. — Ты помнишь, что я вчера спросила про второй ключ от восточного крыла?

Она кивнула, не поднимая глаз.

— Этот ключ есть у Тивера?

— Нет. Ключ один. У лорда Дарвена. Он отдал его вам.

— А у совета?

— У совета нет. Но совет может войти с проверкой, если попросит лорда открыть.

Я прижала ладонь к животу, где под корсетом лежал ларец, и пошла к двери. На пороге обернулась.

— Если меня спросят — я в лечебнице. Если спросят, зачем — скажи, что перевязываю больного.

— Ливея, — прошептала Кейра. — Того мальчика нет ни в каких списках дома. Если совет увидит его...

— Совета пока нет, — повторила я. — А когда будет, у мальчика будет имя. Эль Ашт, воспитанник лечебницы. Я впишу его сегодня.

Я вышла в коридор и пошла не через главную лестницу, а через черный ход, мимо кухни, где уже пахло подгоревшей кашей. Бранн стоял у плиты, спиной ко мне, и считал что-то на счетной кости. Услышал шаги, обернулся. Лицо у него было такое, будто он ночь не спал и считал чужие долги.

— Ливея, — сказал он тихо. — Я оставил вам записку.

— Я прочла, — ответила я. — Вторая книга за мукой. Расхождение на одну комнату. Он сжал кость в кулаке.

— Не ходите туда сегодня. Тивер привезет проверку. Они спросят про уголь.

— Они спросят, — согласилась я. — И я отвечу. У меня есть документ с датой и подписью. У вас — нет.

Бранн отступил к окну. Я видела, как он борется с собой: сказать правду про вторую книгу — значит выдать тайну дома. Промолчать — значит выдать мальчика. Он выбрал молчание, но глаза его сказали все.

Я вышла во двор. Снег сыпался мелкий, сухой, и тут же таял на камнях. У конюшни стоял Сторм, проверял упряжь. Увидел меня, выпрямился.

— Госпожа, — сказал он. — Лорд Дарвен в кабинете. С утра не выходил.

— Спасибо, — ответила я и пошла к черной лестнице.

На третьей ступеньке меня остановил запах розового масла. Он тянулся из западного крыла, густой, сладкий, тошнотный. Ирса Ланн уже встала. Я прижала локоть к боку, чтобы локоть не качнулся, и поднялась выше.

У двери кабинета Дарвена я остановилась. Браслет под рукавом дрогнул, но не от его лжи — от моей собственной. Я стояла и не знала, с чего начать: с того, что Тивер приедет к обеду, или с того, что мальчик его племянника ест казенный уголь и спит на казенной кровати, а в книгах этого мальчика нет.

Я постучала. Раз. Два.

— Войдите, — раздалось из-за двери.

Голос был низкий, ровный, без вопроса. Он ждал. Может, ждал с ночи, когда я забрала у него ключ и отдала ключ Элю.

Я вошла, не снимая плаща. Кабинет был тесный, заваленный бумагами, с одним окном, за которым сыпал снег. Дарвен стоял у стола, и на нем была та же рубашка, что и вчера, но без запаха чужих духов. Рукава закатаны до локтей, на левом предплечье — старый шрам, белый, толстый. Браслет на моем запястье качнулся — пустой, холодный. Никакой лжи. Он ждал меня без игры.

— Тивер будет к обеду, — сказала я. — С ним кто-то из столицы.

Он кивнул, и я увидела, как дрогнул мускул на его челюсти.

Писец поднял перо. — Я знаю, — ответил он. — Королевский советник.

— Тот, что подписал обвинение без подписи казначея.

Он поднял на меня глаза. Не удивленно, не испуганно — внимательно, как смотрят на человека, который впервые видит не то, что ему показали.

— Вы читали письмо палаты, — сказал он. Не спросил.

— Читала, — ответила я. — И знаю, что в списке свидетелей только ваш дядя. Казначей не подписал.

— Казначей умер, — сказал Дарвен тихо. — За месяц до обвинения. И его записи не нашли.

У меня перехватило дыхание. Это была не ложь — браслет молчал. Это была правда, которую он впервые сказал вслух женщине, а не стене.

— Зачем вы мне это говорите? — спросила я.

— Потому что вы вписали Эля в свою тетрадь, — ответил он. — И потому что завтра совет спросит, кто его мать. И я не хочу, чтобы вы отвечали за чужую ложь.

Он замолчал. Я видела, как он борется с собой — сказать имя или промолчать. Имя было страшнее обвинения в измене, потому что меняло все. Если Эль — не племянник, а сын, тогда Дарвен не просто драконий лорд, а мужчина, у которого есть наследник, которого прячут от короны.

— Дарвен, — сказала я тихо. — Если Эль ваш сын, то совет заберет его как заложника. Если он племянник — заберут вас обоих.

Браслет под рукавом дрогнул, но не от его лжи. От моей. Я сама не знала, чего хочу: чтобы он сказал правду или чтобы промолчал и дал мне время.

Он подошел к столу, открыл ящик и достал оттуда сложенный вчетверо лист. Положил на стол, не разворачивая.

— Здесь имя его матери, — сказал он. — Я не могу отдать это совету. Но я отдам его вам.

Я не двинулась с места. Между нами лежал лист, и на нем была правда, которая стоила дороже любой печати. Браслет молчал. Кабинет пах старым деревом и снегом, и впервые за всю мою жизнь в чужом доме я чувствовала, что не одна.

— Я возьму, — сказала я. — Но только после того, как вы сами скажете это Тиверу. При мне. При Эле.

Он смотрел на меня долго, и я видела, как он считает: цена, которую он заплатит, и цена, которую заплачу я. Потом кивнул — коротко, почти не заметно.

— К обеду, — сказал он.

— К обеду, — повторила я.

Я вышла из кабинета и пошла в лечебницу, где меня ждал Эль с угольной печатью на плече и ключом под подушкой. Мне нужно было перевязать его ожог, вписать его в тетрадь воспитанником и приготовить чай. Потому что к обеду в этом доме появится совет, а у меня — документ, правда и мальчик, который впервые за год будет сидеть за столом не как призрак, а как воспитанник лечебницы.

Браслет под рукавом медленно теплел — не от лжи, а от тишины, в которой впервые было что-то мое.

Я спустилась в лечебницу по черной лестнице, считая ступени, чтобы не думать о запахе розового масла в западном крыле. Ирса Ланн уже знала, что я вошла к Дарвену. Слухи в этом доме ползли быстрее, чем мыши по закромам, и к обеду она узнает все. Мне нужно было сделать так, чтобы к обеду у меня было не слухи, а документ.

Лечебница пахла сушеной ромашкой, кровью и сырым деревом. Эль сидел на койке у стены, прижав колени к груди, и смотрел на меня так, будто я была гостей из тех снов, в которых никто не приходит. На его плече под грязной повязкой темнела угольная печать, а под ней — старый ожог, белый по краям, красный в середине. Я закрыла дверь на щеколду, достала из-под плаща свою тетрадь и положила на стол.

— Раздевайся до пояса, — сказала я. — Будем мыть.

Он послушался, и я впервые увидела его целиком — тонкие ребра, синяки на боку, шрам от плети на лопатке. Мальчик был худой, как котенок, которого перестали кормить с осени. Я подогрела воду на жаровне, размочила жгут, и Эль стиснул зубы, когда я сняла повязку. Ожог под печатью был ровный, с четким краем — кто-то делал это специально, не случайно. Кто-то выжиг ему эту печать, чтобы он больше никогда не смел носить боевой знак своего дяди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.